

$\frac{84(2=634.4)}{y49}$

УЛУГ-ХЕМ

№3

2016

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Год кино в России

Год гостеприимства в Туве

Журналу «Улуг-Хем» 70 лет

16+

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Основан 25 августа 1946

Главный редактор Эдуард Мижит

№3 (89) 166

КЫЗЫЛ — 2016

Общественная редколлегия:
Ч.Ч.-Д. Ондар, А.С. Бегзин-оол, Л.С. Мижит,
И.П. Принцева, С.М. Ондур, Л.Х. Ооржак, С.С. Монгуш

Главный редактор Эдуард Мижит

Учредители журнала:
Министерство культуры РТ, коллектив государственного
автономного учреждения РТ «Редакция журнала «Улуг-Хем»

Журнал зарегистрирован в Тувинской республиканской
инспекции по защите свободы печати и массовой информации.
Рег. № Т — 00028

М 4702580600 без объявл.
24-13-2004

Эдуард М И Ж И Т

ПРОСТЫЕ ИГРЫ

Стихотворения в прозе

МАЛЬКИ

Время, время... Сколько людей мучалось, чтобы понять тебя?! Как только не объяснял тебя каждый из них в меру своих способностей?! А ты так и продолжаешь свой равнодушный бег, как поток вот этой реки. А я сижу на ее берегу и ищу, но не могу найти хотя бы намек на разгадку твоей тайны. А был ли в моем уме и сердце этот непонятный и страшный вопрос о том, что такое время, когда я был таким же, как вон тот мальчишка, по коленки в воде играющий на берегу? Не помню. Может быть, тогда часть моей души все еще оставалась слитой с Вечностью... Может, поэтому игра и этого мальчика так весела и бесконечна, а смех его так чист?.. О, и я когда-то, как этот мальчик, с веселым смехом бежал по мелководью и играл на берегу Енисея. А как вспомню крохотных мальков, которые собирались на мелководье в ясные солнечные дни, даже сейчас мое сердце начинает биться быстрее. Тогда я так любил смотреть на них — как они стайками двигаются туда-сюда, то собираясь в одном месте, то мгновенно рассыпаясь и исчезая, испугавшись чего-то. Мне тогда казалось, что они знают много того, чего не знаю я. А ведь тогда я частенько пытался поймать хотя бы

одного из них. Опустив руки в воду, я подолгу стоял, не шелохнувшись. Бывало, стоишь вот так, затаившись, и мальки понемногу смелеют, приближаются к тебе и начинают щекотливо касаться рук и ног. Вот в это время надо мгновенно схватить одного из них и резко вытащить из воды... Но, когда я раскрывал ладонь, она все время оказывалась пустой. На ней оставалась только холодящая дрожь крохотного тельца малька, только что выскользнувшего из руки... Ни одного из них я так и не сумел поймать.

С тех пор много раз покрывался льдом Енисей, и много раз таял этот лед. Мое детство, а за ним и отрочество, и юность, как те мальки, шарахаясь от тени приближающейся старости, пугливо рассыпались и исчезли. Да и сам я давно уже отдалился от мелководья и, заплыв в глубокие воды жизни, борюсь с ее могучим потоком. Но почему-то, чем старше я становлюсь, нет-нет да хочется мне схватить, поймать вот это бешено мелькающее рядом со мной время. Как бы не так, так прямо и дастся мне в руки время... Его минуты и секунды в мгновение ока, как серебрястые бока мальков, так и сверкают между моими дрожащими пальцами и ускользают. Только где-то у сердца остается холодящая дрожь...

Тот самый мальчишка, наигравшись вдоволь, отправился домой. А ко мне все ближе подходит время, когда я, вдоволь пожив на белом свете, должен буду отправиться домой, в родное стойбище, давно забытое мной. Только вот найти бы мне до той поры хоть намек на разгадку твоей загадки, успокоить бы мне свою вечно тревожную душу, Время...

ВСАДНИК

— Эй, удалец! Хочешь проехаться на коне? Садись позади меня!
...В это время я играл в песке у забора. И, вздрогнув от этого вопроса, я поднял голову. С улыбкой и изучающим взглядом на меня смотрел молодой парень на прекрасном вороном коне со звездой на лбу. Как я ни вглядывался в его белое с черными-пречерными, как нарисованными, бровями и усами лицо, он оказался совсем незнакомым мне человеком. И одежда на нем была какая-то другая. Нет. Я никогда не видел такого человека в нашем поселке. «Какой он хороший, этот дядя! Я даже своих дядьев и старших братьев помногу раз упрашиваю, чтобы они усадили меня и прокатили

на своих лошадях. А он, хоть не знает меня совсем, сам предлагает мне прокатиться, как чудесно...» — такого рода мысли так и начали толкаться, не вмещаясь, в моей голове. Даже дыхание перехватило.

— Ну, чего застыл, удалец? Или коня боишься?

Его конь и в самом деле довольно подозрительно гарцевал, не терпеливо фыркая и мотая головой. А как он был красив, просто слов нет! Нет большего счастья для такого мальчика, как я, чем прокатиться на таком коне!

— Нет, совсем даже и не боюсь. Пожалуйста, чуть-чуть подожди меня, дядя! Я только сбегая, маме скажу. Я мигом вернусь! — крикнул я, и тут же забежал во двор. И почему я так сказал? Или мне захотелось похвастаться перед своими родными?

— Мама, я покатаюсь на коне! Дядя меня ждет на улице! — крикнул я, только лишь приоткрыв дверь, и тут же мигом выбежал со двора... А где этот дядя? Он же только что был здесь?.. Не слышно даже топота копыт. Только сердце громко стучит, готовое выскочить из груди. Я глянул вниз по улице, и глаза мои словно обожгло. Тот самый дядя скакал во-он там, уже далеко, и все удалялся и удалялся. Какой же он обманщик! Я же сразу прибежал, я же быстро...

— На чем коне ты собрался покататься, сынок? И где же этот твой дядя?

От тревожного голоса мамы, выскочившей вслед за мной, от тепла ее рук, поглаживающих мою голову, слезы, наполнившие мои глаза, так и хлынули по щекам.

— Да вон тот дядя! Спросил: «Хочешь проехать на коне? Садись позади меня!», а сам обманул и ускакал!

— Где, где? Что-то я не вижу никого. О чем ты говоришь, сынок?

— Ну, вон же, во-он! — сказал я и тут же неожиданно застыл, указывая пальцем туда, не в силах что-то сказать... Тот всадник все удалялся и удалялся, а от копыт его коня ни малейшей пыли не было... Будто он летел над землей... Неужели... И правда... Дядя, который собирался покатать меня, начал подниматься ввысь вместе с конем, и в мгновение ока скрылся в облаках.

Мама так и не смогла увидеть того всадника. А когда я сказал, что он улетел на небо, ее лицо побелело, как береста, и голос ее задрожал.

— Хорошо, что ты не сел на его коня. Что это ты выдумал, кататься на коне незнакомца?! — сказала она и поскорее увела меня в дом.

Когда я вспоминаю обо всем этом, мне кажется, что это случилось только что. Так же мне хочется позвать: «Подожди меня, дядя!», так же перехватывает дух, так же глаза обжигают горячие слезы. Вот поэтому-то я не могу рассказывать об этом событии в прошедшем времени. После того случая, делая вид, что играю за двором, я все время втихомолку стал ждать того дядю на летающем скакуне. Какое же волшебное путешествие ждало меня тогда?.. А иногда мне кажется, что этот всадник на вороном коне со звездой на лбу скоро снова навестит меня... Куда же я с ним поскачу, что же он мне покажет?..

ИГРА В ПРЯТКИ

— Кто виноват в том, что ты такой ротозей и недотепа? Почему ты начал играть, если ты такой?!

— А вы же все, договорившись между собой, делаете так, чтобы только один я искал и находил вас...

... Я сидел и смотрел на этих детей, играющих в прятки, и заметил, что, и вправду, один из них постоянно оказывался в роли того, кто ищет, а все остальные все время прячутся. Они нарочно делали так, чтобы ищущий быстрее нашел их, а они раньше него добежали до столба, стукнули по нему и крикнули: «Стук! Стук!», чтобы он снова оставался в своей роли. Я видел, что этот бедолага и в самом деле немного ротозей и медлителен. А другие, пользуясь этим, быстренько сговорившись за его спиной, так и носились радостно и все время прятались. Я ждал с надеждой, что хоть один из них сжалится над товарищем, но ничего такого не случилось. Дети — только с виду безвинные малые детки, но и они, оказывается, бывают такими жестокими. Конечно же, некрасиво, когда взрослый вмешивается в игры детей, но я тайком указал этому бедняге, уставшему бегать за своими товарищами, где они прячутся. Наконец-то, этот бедняга освободился, вышел из роли проигравшего. «Вот сейчас-то он вдоволь наиграется, прятась наравне с другими», — подумал я. Нет. Оказалось, что я ошибся. «Я больше не буду играть» — сказал он и ушел, даже не оглядываясь.. Только плечи его едва заметно вздрагивали. А друзья его остались смотреть ему вслед, то ли удивленно, то ли с сожалением. Я тоже долго смотрел за кое-как удалявшимся с опущенной головой тем ребенком,

словно несшему на руках невидимый тяжелый груз. А в голове моей и в сердце непрестанно, как эхо, звучал один-единственный вопрос... Почему он ушел? Почему? Почему? Почему так устроена жизнь на этом белом свете? Почему истина все время прячется от людей? Словно она намеренно обдуривает нас, вода за нос. Почему же я снова и снова неустанно мучаю себя, задавая себе эти вечные вопросы, словно только что узнал об их существовании? А может быть, я такой бестолковый и тупой, что не могу понять, найти прячущийся где-то смысл этого загадочного мира? Тогда, если уж я такой глупый, то почему я изо всех сил желаю принимать участие в жестоких играх этой жизни? Может, это и есть мой удел, с которым я родился на свет — всю жизнь играть в прятки с тайнами Вселенной и Времени, с тайнами Жизни и Смерти? Вот встретился бы мне кто-нибудь добросердечный, который хоть намеком, хоть жестом указал бы, где мне искать ответы на мои бесчисленные вопросы, теснящиеся в груди. Вот только не захочу ли я поскорее уйти подальше отсюда, сказав, как тот мальчик: «Я больше не играю», когда откроются все волшебные тайны мира или станет видно то, что на самом деле нет никаких тайн?..

КАЧЕЛИ

— Еще, еще сильнее, еще выше, папа!

— Нельзя, сынок, голова закружится, упадешь.

— Нет, я не упаду. Качни еще немного выше.

Глядя на сына, самозабвенно качающегося на качелях, я вдруг вспомнил себя в детстве. Тогда в таком же возрасте, который с течением времени все больше и больше отдаляется от меня, я так же, как теперь мой сын, любил покачаться на качелях. Всем это знакомо, все это помнят: мчишься вниз так, что сердце в груди замирает, и тут же взлетаешь ввысь. Когда достигаешь самой высокой точки полета, качели на миг приостанавливаются, и в то самое мгновение видишь все, что тебя окружает, как на ладони. И все кругом становится другим, не таким, каким было, когда ты смотрел, стоя на земле, и покажется на миг, что ты попал в совершенно незнакомое и особенное место. И кажется, что верхушки деревьев, пролетающие птицы, далекие облака и даже само небо подступают к тебе близко-близко. И сладостно замирающее сердце открывается на миг и, вобрав в себя и надежно спрятав в себе каплю ра-

дости и счастья, и весь этот прекрасный мир, снова стремительно мчится вниз. А ты взлетаешь все выше и выше, и, вытягивая шею, заглядываешь все дальше и дальше. словно стараешься увидеть что находится там, за дальними горами, что там происходит или какие места, какие события, какие люди и какая жизнь ждут тебя там, в будущем...

Пришло время, и в поисках своего пути в этой жизни я отправился в те самые дали, в которые так хотел заглянуть в детстве. А мои осиротевшие качели так и остались там, в том же месте и том же времени. В памяти осталось лишь то, как они грустно покачивались мне вслед, словно не желая отпускать меня. И по сей день с этих самых пор я упорно иду и иду, в меру своих сил отыскивая свою дорогу и равно вдыхая как аромат благословляющих благовоний этой жизни, так и горький ее дым, от которого слезятся глаза. И когда я задумываюсь о нашей такой непостоянной и неустойчивой жизни, которая, то взлетая время от времени на гребень радости и счастья, то камнем падая в пропасть печали и горя, качается между прошлым и будущим, светом и тьмой, между правдой и ложью, добром и злом, между любовью и ненавистью, мне кажется, что само бытие раскачивается на огромных качелях, подвешенных к перекладине вселенной и времени...

— Папа, почему ты перестал раскачивать? Видишь, я останавливаюсь...

— Да, да, сынок. Сейчас я раскачаю... как можно останавливаться...

Сыночек мой, маленький мой... Если б он знал, о чем я только что думал, о том, что мысленно раскачиваясь вместе с ним, я заглянул в свое прошлое и краешком глаза увидел свое детство... А о том, что я увидел еще и то печальное, которое ждет меня на другой стороне, моему маленькому сыну лучше не знать. Качайся, сынок, взлетай высоко... И держись крепче... Когда-нибудь мои руки ослабнут, пальцы разожмутся, и я упаду с качелей жизни, и куда же тогда закинет меня их стремительное движение — камнем ли зашвырнет на дно черной пропасти, отправит ли в полет прямо вверх, к звездному небу?... Как бы там ни было, мой сын останется на этих качелях.

— Папа, еще...

Странно, неужели в голосе моего сына послышался всхлип?... Бог мой! Неужели мой ребенок понял, о чем я думаю?..

...Так же, как и я в детстве, мой сын в слезах летает на качелях...

— Брат, пожалуйста, возьми меня с собой! Я больше никогда не буду плакать, больше никогда не буду тебе обузой!

Будучи подростком, я не раз слышал этот зов, когда вместе с друзьями бежал навстречу новым играм и новым приключениям. Это зов братишки одного из моих друзей — желтоволосого пухленького мальчугана, который все время, не отставая, увязывался за своим братом. Когда он следовал за нами, бывало так, что ему вдруг хочется пить или он уставал и начинал хныкать, и из-за этого мы по мере возможности старались отделаться от него, как от обузы. Для того, чтобы отвлечь его, мы играли какое-то время в «скучные игры младенцев» во дворе, а когда он терял бдительность, мы, перемигнувшись, стремглав бежали к высокому забору, через который он не мог перелезть. А когда он замечал наше мгновенное исчезновение и бежал за нами, оказывалось, что уже слишком поздно — в это время, перемахнув через забор, мы несемся так, что только ветер свистит в ушах, и догнать нас уже невозможно... А он, заглядывая сквозь щели между досками забора, плакал и звал нас, плакал и звал...

— Возьмите меня с собой! Не оставляйте меня-я! Пойдите, не спешите! Подождите меня-я!

А нам до него и дела нет — ведь нас, «взрослых», ждет большой и интересный мир. Поскорее туда!.. Не оглядываясь... Вперед, вперед!..

Так, спеша и стремясь вперед, в большую жизнь, в большой и интересный мир, я не заметил, как прошло мое детство, — даже оглянуться не успел. А детство мое со своими простыми играми так и осталось там звать, заглядывая сквозь щели забора и размазывая грязными ручонками горькие слезы по лицу...

— Не спеши, прошу тебя, не спеши-и! Подожди меня чуть-чуть!

А я бегу со всех ног и все больше и больше отдаляюсь от него — только ветер времени свистит в ушах...

Так и катит меня ветер времени, как перекасти-поле, и все гонит и гонит через степь моей жизни и судьбы. А там, на самом краю этой степи... Нет, нет, не спеши... Я ведь толком еще и не жил. Все время стремясь вперед и вперед, оказывается, сам того не замечая, я убегал от жизни. Оказывается, я ничего еще не успел сделать... А в ушах только времени ветер свистит...

Придет время и, вышвырнув меня за последнюю ограду, со свистом умчится тот ветер, не обернувшись ни разу.

— Не оставляй меня, возьми меня с собой! Я не буду тебе такой уж большой обузой, только не торопись! Подожди меня, жизнь...

Но нет ему, этому ветру, никакого дела до меня... Может быть, чем четче и четче понимаю все это, все чаще и чаще я начинаю оглядываться на свое прошлое, которое зовет и зовет меня?.. Словно где-то там есть могучая священная ось, за которую можно уцепиться, и, держась за которую, утихомирить и укрепить свою мятущуюся душу...

БУСИНКА

Дочке Аймиле

— Мама! Бусинки рассыпались!..

— Как это, сынок?

— Нитка порвалась.

— Что делать, сынок, придется тебе собрать бусинки и снова нанизывать. Возьми нитку покрепче, сынок...

Я думал, что он просто играет — как легко и подозрительно звучит слово «просто» — оказывается, мой сын нанизывает бисер на нитку, чтобы подарить ожерелье своей сестренке. Услышав разговор сына с матерью, я вздрогнул так, словно в этих простых словах заключен какой-то страшный смысл. Словно человек, услышавший весть о каком-то большом бедствии. А звук падающих и рассыпающихся по полу крохотных бисерин — почему-то — как грохот валунов, грудой лежавших на вершине, и, сорвавшись с места во время обвала, катящихся вниз по отвесному склону, сшибаясь друг с другом со страшной силой — прямо уши закладывает — прогрохотал и многократно повторился эхом. Так же и мои мысли, что сами по себе цепляясь друг за друга — вереницей — неспешным потоком — продвигались куда-то гуськом, — и вдруг — порвалась основная нить размышлений — рассыпались в разные стороны и, превратившись в не связанные между собой события, образы и слова, — зашумели грохотом камнепада. Постой, постой, о чем же я думал?.. Ведь и ждущие полива зерна, посеянные мной в черную тучную почву, и облака, кочующие по своему неведомому

пути в безбрежном синем небе, и улыбка моей мирно спящей ма- лютки-дочки, и суровое лицо моего мудрого и много повидавшего деда — все это и многое другое, связанное между собой глубо- кой внутренней нитью, двигаясь, дыша и разговаривая, только что стройным чередом проходило перед моим мысленным взором. Те- перь все это вмиг рассыпалось в разные стороны! Только несколько слов, что весь день не дают мне покоя — неизвестно, откуда и как они взялись, — без конца повторяясь в уме, — непонятно что они хотят сказать, — нанизанные на нити четырех строк, — только эти несколько слов остались связанными между собой...

Слово живое мое, пролетевшее в небе безмолвном,
Словно жизни моей негромко раздавшийся зов,
Без криков и слез, без упреков и сожалений — беззлобно,
Еле слышно, как шорох — шепот осенних лесов...

Это «слово живое мое», смысла которого я не понял, и не по- нял, почему оно живое, поглаживая своей тенью мое лицо, целый день кружилось надо мной, стараясь напомнить о чем-то... Словно крик, старающийся соединить мир моих снов с этим видимым ми- ром... Крик, изданный мной в крохотный миг пробуждения, крик, начало которого было во сне, а конец протянулся в эту реальную жизнь...

Не придется ли мне, чтоб собрать и снова нанизать на нить эти мысли, долго-долго обыскивать всего себя и по крохам собирать в закоулках памяти все дни и часы, радости и печали, сны и про- буждения, ошибки и прозрения, воспоминания и мечты всей своей жизни? Собрав все это воедино и нанизав на нить своей жизни, — вот только не вижу ни начала, ни конца этой нити, — только тогда, наверно, я смогу вернуть и восстановить смысл своих ставших бес- порядочными мыслей. Нить моей жизни... Звучит-то красиво, а что это на самом деле? Время ли это, проходящее сквозь мое тело и сознание? Или душа моя, все в себя впитывающая на протяжении моей жизни? Или...

— Мама, придется мне снова снимать с нити бусинки и снова их нанизывать.

— Почему, сынок, что опять случилось?

— Смотри, мама, я нанизывал так, чтобы посередине была одна белая бусинка, по обе ее стороны три маленьких синих, затем сред- ние бусинки красного цвета. А вот в этом месте я неправильно собрал, оказывается.

— Как красиво, сынок! Ну что ж, придется тебе переделывать...

Страшно представить, что же будет, если и я, забыв и утратив — или просто желая приукрасить, — одно из событий или одну из мыслей, нарушу последовательность дней и часов, причин и следствий и нанижу их неправильно?... Что будет, если все мои слова и часы станут вдруг большими и белыми-белыми, а слезы из моих глаз, глядящих на это синее-синее небо, станут кроваво-красными от стыда?! Что будет, если я неверно пойму свое место в нити жизни, проходящей сквозь всего меня?! Или пропаду, совсем уж выпав из этой нити — так, что станет неизвестно, был или не был — бусинкой, закатившейся в щель на полу?! Или...

— Мама, смотри, я все бусинки нанизал! Как получилось?

— Ой, как красиво, сынок! Молодец! А сейчас завяжи узлом оба конца нити. Потом, когда сестренка проснется, наденешь ей на шею, сынок.

— Мама, а как узлом завязывают, научишь меня?

— Я сейчас очень занята, сынок. Спроси у папы...

Конечно, я научу сына завязывать узел, это же очень просто. А как, каким узлом я завяжу — если найду их, если найду — оба конца своей жизни? Кто мне укажет, кто научит этому? Кажется, что, если я узнаю это, то и в моей жизни, и в жизни всей вселенной проявится смысл, и у меня появится возможность постигнуть этот смысл. И тогда, наверно, я с уверенностью и облегчением вздохну: «Ничего, когда прервется красная нить моей жизни, не исчезнет бесследно простая стеклянная бусинка моей души — на свои нити ее нанижут мой сын и моя дочь». И тогда, наверно, я успокоюсь, как росинка на утренней травинке, с мыслью о том, что не пустыми и бессодержательными, а полными смысла были мои дни и часы, моя боль и любовь. Конечно же, если только я останусь блестять, как мои ласкающие детей глаза, хоть одной крохотной бусинкой на ожерелье моей дочки, которую брат наденет ей на шею, когда она проснется. Одной простой бусинкой из стекла или пластмассы — простого, очень простого ожерелья — украшения маленьких девочек — не украшения из драгоценных камней, не молитвенных четок из священного дерева или камней...

Пусть она простая, но, если в ней будет отражаться и сверкать улыбка моей дочери, то она будет бесконечно ценнее и священнее самого драгоценного и священного камня. Да, моя мысль действительно очень проста и ничем не нова — если нить не порвана —

если слова не рассыпались, как камни во время обвала, — или даже обвалившись — через сердце, только сквозь сердце — не выстроились в другом, новом порядке... И только тогда шум моих простых слов и простых мыслей послышится не таким уж бессмысленным, а несущим много разных и связанных между собой смыслов...

И только тогда мое негромкое слово, еле живое от утраты надежды добиться от меня чего-то, целый день кружившееся надо мной, наверно, снова оживет и задышит... Вот тогда-то...

— Мама, сестренка проснулась!..

ХРУПКИЕ БЕРЕГА

Родной поселок мой Торгалыг. Река Торгалыг, что бурля на перекатах, низвергается с вершины одного из хребтов горной цепи Танну-Ола. Кажется мне, что в детстве я знал не только все изгибы и омуты этой реки, но и близко был знаком со всеми камешками на ее дне, со всеми деревьями и кустами лесов и лесочков, протянувшихся вдоль ее берегов. Зимой, оттого, что наледь растекается по всем прибрежным лесам и лесочкам, сверкающим льдом покрывается не только русло Торгалыга, но и полностью все ее окрестности. Что может быть интереснее и чудеснее по сравнению с тем, когда в редкие свободные часы, крепко-накрепко привязав к валенкам коньки (в те времена коньки с ботинками были большой редкостью), катишься по этим лесам, то ли плывя по поверхности воды, то ли летая! Стоит только совсем немножко углубиться в лес, где деревья стоят сплошь покрытые снегом, а с их веток чудесной бахромой свисает иней, так сразу же удаляется и становится неслышным шум ребят, с громкими криками катающихся и играющих в хоккей на реке. И хоть ты и находишься всего лишь в нескольких шагах от поселка, где над трубами извиваются и пляшут синеватые дымки, тебе вдруг покажется, что ты попал в совершенно другой мир, заполненный волшебной тишиной. Куда ни взглянешь, везде и во всем вспыхивают бесчисленные крохотные огоньки, что так и лучатся, мерцая, словно звезды, безмолвно переговаривающиеся между собой, и мир вокруг тебя так и сияет и сверкает от солнечного света. А чьих только следов не увидишь на снегу — и самые разные птицы, и зайцы, и кролики, и белки, и бурундуки, и лисы, и волки оставляют здесь знаки своего пребывания. Встречаются

и следы маралов и косуль. Большие таежные звери не то, что в эти лесочки, но и на улицы поселка иногда забредают — таковы мои родные места. А линии и рисунки всех этих следов — словно какие-то неведомые людям письмена. И вправду, может, так и есть. А наткнувшись на незнакомые следы среди этих письмен, долго стоишь и гадаешь о том, какое же волшебное животное здесь пробежало? Будто это неизвестное животное почему-то обязательно должно быть волшебным.

А деревья, одетые в мягкие белые шубы, так похожи на людей или таких же волшебных животных. Каких только образов и характеров тут нет: этот стоит немного печальный, а тот, отвернувшись, опустил голову, словно обиделся на что-то; вот эта группа ив похожа на людей, беседующих о чем-то, собравшись в круг; березка за ними, что наклонилась к ним, похожа на человека, с интересом прислушивающегося к их разговору, а рядом, похожая на сопровождающую его собаку, съезжившись, стоит одинокий куст шиповника; завернешь за этот куст, там, расстопырив свои бесчисленные ветки, как черти или многорукие индийские боги, дорогу преграждает густой низкий кустарник, приговаривая: «Ага, хорошо, давай-ка иди сюда! Поймать его!», а когда ты со словами: «Поймайте, если можете!», едва касаясь, вихрем проносишься мимо этих рук, там, за тобой, потрясая единственной уцелевшей веткой, со словами: «Что, страшно да?», словно низенький толстый старичок, останется хохотать от души затаившийся за ними пенек... Человеку не под силу до конца описать все это ни словами, ни красками. Если надо выразить все это одним словом, то, пожалуй, только одно слово «сказка» может подойти. И вправду это сказка, сказочный мир, сказочная природа. Волшебная зимняя сказка моей родины. И жил я внутри этой сказки, играя в свои простые игры, катался, «оседлав» свои простые конечки, и простодушно веря в эту сказку, то взлетал на небо этой сказки, то нырял в ее воды...

Как-то раз, таким же образом обходя эту волшебную страну, я не заметил, как сильно отдалился от поселка вверх по течению реки. А когда опомнился, оказалось, что уже опускаются вечерние сумерки, а я поднимаюсь все выше и выше к вершине таежного хребта. Куда ни глянь, кругом только незнакомая дремучая тайга и крутые горы со скалистыми утесами... Тени стремительно увеличивались и становились все темнее и темнее, и казалось, что они подкрадываются все ближе и ближе и вот-вот набросятся на меня...

Уже не в силах смотреть по сторонам от волнения и страха, я со всех ног пустился вниз по реке к своему поселку. Ветер в ушах свистел так, словно он, насмехаясь и еще больше пугая меня, смеется и смеется вдоволь. А от всех шорохов, скрипов и стуков, раздающихся тут и там, мне казалось, что ужасные хищники, устроив облаву со всех сторон, гонятся за мной, и вот-вот настигнут...

Зимние вечера коротки, и неотступно придя вслед за крохотной порой сумерек, тьма, как волк, в одно мгновение набросилась на землю. И даже еле-еле видный в небе полумесяц холодно за сверкал, словно клык этого волка. А звезды, словно глаза стаи волков, бегущих вслед за вожаком, вспыхивали синими и желтыми огоньками. Не стало видно речного русла, служившего мне дорогой. Так я катился, то ныряя с головой в глубокий снег, когда носки моих коньков с разбегу натыкались на берега, то падая и промокая до нитки в наледях, которые днем я так аккуратно объезжал, то проваливаясь в трещины и глубокие пустые расщелины, когда под ногами с треском крошилась хрупкая кромка льда. Я давно потерял свои рваные рукавички, и время от времени дул на замерзшие руки, чтобы хоть немного согреть ставшие негнуцимися пальцы, чуть не плакал от страха и мучений, еле унимая дрожь и сжимая стучащие от холода зубы, но все же сдерживался и катился дальше. Если бы кто-то увидел меня со стороны, что бы он подумал, что бы сказал, интересно?.. Но кто меня увидел бы — затерянного темной ночью посреди таежных лесов... Только темное небо с холодными звездами равнодушно смотрело и смотрело на меня. Нет, чтоб сказать, предупредить хотя бы шепотом: «Эй, малец, впереди расщелина во льду, смотри, не провались». Нет ему никакого дела до меня. Что ему крохотный мальчуган, заблудившийся и невидимый посреди гор и лесов, ему, вечному небу, наблюдающему за бескрайней вселенной с бесчисленными звездами. Так, надеясь только на себя, только вслушиваясь в звуки скользящих по льду коньков, иногда успевая свернуть в сторону, услышав треск ломающейся кромки льда, иногда не успевая свернуть и проваливаясь в щели, а после с трудом выкарабкиваясь оттуда, спустя целую вечность, я, наконец-то, увидел мерцающие вдали огоньки своего поселка. Пусть они так ничтожно малы по сравнению с прекрасными и волшебными звездами, вечно мерцающими в недостижимых далях, но свет и тепло этих крохотных огоньков были мне несравнимо милее и теплее, чем свет этих звезд... И хотя опасности вокруг

меня никуда не исчезли, и даже меньше не стали и подстерегали на каждом шагу, внутри у меня потеплело от тепла этих огоньков, и заметно окрепли мои усталые ноги. Показалось, что даже путь мой осветился и стал немного виднее. Глубокой ночью я добрался до поселка покрытый с головы до ног хрустящим и шуршащим на каждом шагу льдом. Если бы в это время кто-то вышел из дома и выглянул на улицу, то, может быть, он подумал бы, что это снежный человек спустился с тайги или, стуча зубами и повизгивая, идет сам черт...

А утром мне так захотелось посмотреть, пока свежий снег не успел укрыть мои следы, на путь, пройденный мной глубокой ночью. Не легкомысленное и пустое любопытство, говорящее: «По каким же местам и каким же образом я проходил?», а намного большее и неподвластное мне желание насильно потащило меня туда. И я пошел, словно человек, идущий на поиски чего-то ценного, утерянного по этой дороге. Может быть, когда я тащился, чуть не проваливаясь под лед ночной реки, холод жестокой ночи проник в мои доверчивые глаза, которые без тени сомнения видели все в этом мире прекрасным, добрым, милосердным, гармонично связанным между собой и имеющим глубокий смысл. Может, этот холод что-то вытеснил из меня, и я, и вправду, потерял свою беспорочную детскую надежду в одной из расщелин на льду. И вправду, может быть, той ночью, подобно тому, как замерз до мозга костей, я до озноба в самой своей сердцевине осознал, до чего же я крохотный, и вообще человек одинок и незащищен перед этой безжалостной вселенной, до чего же хрупка человеческая жизнь, и от этого осознания утратил свою детскую наивность, как те свои рваные рукавички. Вместе с ней и мое, честно признаться, не такое уж веселое и легкое детство тоже осталось там, умоляя еле шевелящимися от холода губами: «Поскорей приходи и отыщи меня, отогрей, оживи!». Нет, я так и не отыскал его... так и потерял. Когда я, идя по следам, оставленным мной той холодной ночью прощания с детством, вспоминал, как вот здесь я упал, а здесь плавал в холодной воде, становилось и смешно, и страшно. Но несмотря на то, что я столько раз падал то ничком, то навзничь, оказывается, сам того не ведая, я проходил по самому краю настоящих опасностей, по самой кромке льда у расщелин, на дне которых крутится в водоворотах черная вода. Еще бы чуть-чуть в сторону, и некому было бы вспоминать об этом по сей день... И вряд ли столько лет

помнили бы обо мне и люди, и эти холодные звезды. И неизвестно, скольких опасностей, непоправимых ошибок и грехов я избежал не только на той обледенелой реке, но и по сегодняшний день, на каждом шагу избегаю, сам того не ведая, каким-то чудом проходя по самому-самому краешку их тонких и хрупких берегов?.. Один только неверный шагочек, и канешь бесследно — так это близко, совсем-совсем рядышком... А жизнь и люди, даже не замечая этого, все движутся безостановочно в вечном стремлении вперед и вперед. И неизвестно, куда именно мы стремимся, что ищем, чего хотим, за кем и чем так гонимся. словно мы потеряли или спрятали в одном из тайных дней или часов будущего что-то очень ценное и очень хотим это что-то отыскать. А что это такое, кто знает? Кого ни спроси, все отвечают: «Как же ты этого не знаешь?! Счастья, конечно же, счастья, каждый человек ищет счастья!». Но что это именно такое, где оно, как выглядит это самое счастье — никто толком не знает. Нам подарен этот сказочно прекрасный мир и сказано: «Сделайте его своим домом и живите в нем счастливо, восхищаясь им и наслаждаясь его лаской», а мы в погоне за радугой блуждаем и блуждаем, оступаясь и падая, поднимаясь и снова падая. Но изо всех сил плетемся и плетемся с застывшими от мороза душами, с головы до ног покрытые льдом страданий, стараясь унять дрожь и покрепче сжать стучащие зубы. А впереди так и не видно теплых огней счастья, которого мы так желаем, к которому так стремимся. Только равнодушные звезды холодно смотрят на нас с вечного неба. И нет у них душевной теплоты, чтобы предупредить и остановить нас: «Эй, куда вы? Остерегайтесь, там, впереди — черная бездна» или хотя бы успокоить нас: «Пусть столь мучительна, коротка и хрупка ваша жизнь, но она ценна для этой вселенной».

И вправду, как же мы до сих пор не сорвались в одну из черных бездн, подстерегающих нас на каждом шагу?.. Кто знает, может, мы время от времени, сами того не ведая, как-то обходим их, когда под ногами уже начинали крошиться их берега, и наша жизнь висела на волоске. Да, мы и оступаемся время от времени... А в какие глубокие и страшные расщелины и ямы срывались и падали, показывают нам следы истории, несмотря на то, что большинство из них укрыто или смыто снегом и ливнями времени. А сколько людей и надежд мы потеряли и оставили на дне этих расщелин?! Но пока мы как-то выкарабкиваемся из них... не попадаем в та-

кие черные бездны, где можно бесследно исчезнуть под неподвижными и равнодушными льдами вечной смерти. Может быть, это и есть истинное счастье, каким бы хрупким оно ни было? Кто знает об этом? Кто ответит? Всю жизнь искал я такого человека, но не нашел. Пока...

Когда я думаю обо всем этом и время от времени вспоминаю о той холодной ночи, скрытой под слоями снегов и дождей времени, мне кажется, что не такими уж равнодушными были взоры темного неба и далеких звезд, глядевших на маленького измученного мальчика, блуждающего где-то там, на краю света...

А не так же ли хрупки и эта моя мысль, и эта надежда?..

ОГНЕННОЕ СТЕКЛО

То ли по своей природной застенчивости и замкнутости, то ли из-за того, что мне не очень нравились шумные игры и потому не любил быть внутри кипящих вокруг событий, а находясь чуть-чуть в сторонке, молча, наблюдал за ними и размышлял — не знаю. С самого детства я главным образом один, играя с самим собой, разговаривая и вступая в споры с самим собой, любил бродить в одиночестве по полям и лесочкам в окрестностях своего села. О чем я только не думал, какие только миры не были придуманы мной, и сколько разных жизней я не проживал в тех самых мирах во время этих прогулок! Также мне нравилось пристально вглядываться во все окружающее — в людей, в выражения их лиц, в то, что и как они делают и говорят, как себя ведут, в жизнь и повадки домашнего скота, разных птиц и других животных, в травы, цветы и деревья, в небо, то ясное, то пасмурное, — всматриваться глубже и глубже, желая понять все до основания.

В то время я всегда носил с собой круглое увеличительное стекло. У нас в народе его еще называют «огненным стеклом». Когда смотришь сквозь это стекло, то все начинает видеться по-другому, начинает рассказывать о себе что-то новое, интересное, подробно показывать все свои стороны, особенности своего облика, открывать тебе все свои секреты... Можно подумать, что все они — и разноцветные листья, и насекомые, и цветы, и бабочки, похожие на цветы, и облака, кочующие по небу, — только тебя и ждали, ждали, когда же ты внимательно, с интересом и любовью

посмотришь на них. И начинает казаться, что они хотят наградить тебя какими-то новыми знаниями и чувствами, новым душевным настроением в благодарность за то, что ты обратил на них внимание. И тогда не обычная бабочка, плавно пролетающая передо мной, не шероховатый камень, лежащий на земле, а совсем другой, отдельный и прекрасный новый мир — целая вселенная — приоткрыв свою невидимую волшебную дверь, приглашал меня в себя, вовнутрь: «Добро пожаловать, заходи сюда, приятель!».

У этого стекла, кроме того, что оно может увеличить, приблизить к глазам и отчетливо все показать, есть еще и свойство одной своей стороной собирать внутри себя лучи солнца, а с другой стороны выпускать их одним мощным лучом. Кто же в детстве не играл, зажигая огоньки этим лучом! Так же и я однажды в конце лета на небольшой лесной полянке собрал всего лишь одну горсть сухих листьев и начал испытывать силу луча своего стекла. Вначале место, куда падал луч, виднелось крохотной желтой точкой в середине сухого листа, затем точка почернела, а ее края начали дымиться. Я начал потихоньку дуть на это дымящееся место и так зажег небольшой огонек. Новорожденный огонек, перескакивая на другие листья, начал расти на глазах. Показалось, что он, набрасываясь на другие листья и сухую траву, хватая их и пожирает, и по мере того, как он жадно и торопливо проглатывает все вокруг, его силы все прибавляются и прибавляются. Вот он уже совсем окреп, и начал одолевать не только листья и траву, но и лежащие там и сям сухие ветки. Вот он уже не только пляшет, но еще и, приплясывая, начал петь с веселым и громким треском!

Все это случилось в считанные мгновения, когда я ничего толком даже не успел осознать. Но даже в те краткие мгновения я успел внутренне погордиться собой: «Если бы не мое желание и не огненное стекло в моих руках, как, откуда мог бы появиться этот огонек?! Не пользуясь ни спичками, ни горящим угольком, я создал что-то почти из ничего». Так я и застыл, подчинившись волшебной силе пляшущего пламени, который любовался на свое отражение в моих растерянных и восхищенных глазах. Словно человек, глядящий на камлание шамана...

Неизвестно, сколько бы я так простоял, застыв, как вкопанный, если бы не горький запах дыма, резко ударивший в нос. Только тогда, опомнившись, я огляделся вокруг и увидел, что на полянке, на которой совсем недавно колыхались пышные травы и цветы,

появилось обгоревшее дочерна место размером с основание юрты, и этот черный круг стремительно увеличивается и увеличивается. А качающиеся на ветерке ветки и сверкающие на солнце ягоды зарослей шиповника, окаймляющих полянку, казалось, заметив приближение опасности, подают мне знаки и в жуткой тревоге просят у меня помощи...

Я толком не помню, как мне удалось потушить пожар, разрастающийся так, что еще немного, и я уже не осилил бы. В памяти осталось и до сих пор стоит перед глазами лишь то, как прыгают туда-сюда кузнечики, убегаящие от огня, похожего на чудовище с длинным языком... Смотрю, большая часть полянки выгорела дочерна, и я стою там с головы до ног покрытый черной сажой и весь пропахший дымом. Нет ни ярких и пестрых цветов, ни насекомых, бегавших, прыгавших и порхавших здесь только что...

Только выжженное место, как большая черная рана, да пронзительные крики встревоженных птиц... То ли укоряющие и прогоняющие меня крики тех птиц, то ли гнев и страдания бесчисленных жизней, которые я уничтожил, сжег, испепелил во мгновение ока, то ли боль израненной поляны — не знаю, что именно, — но с той поры что-то не дает мне покоя, говорит и говорит во мне, причиняя мне боль изнутри. Так казнит меня душа моя, измученная чувством вины. И может быть, так преобразовывается мое желание попросить прощения и получить помилование, но с тех самых пор я стал худо-бедно записывать на чистых листах бумаги свои чувства и мысли, волнующие мой ум и сердце, тем самым ища защиты и помощи у искусства.

А чем больше начал угадывать, все глубже вглядываясь в себя самого, что неспроста я начал просить помощи не у кого-нибудь и не у чего-нибудь другого, а именно у искусства, все лучше я начал понимать: «Видно, я так и не оставил свою простую игру, в которую играл в детстве, видно, я до сих пор продолжаю в нее играть».

Увеличительное стекло искусства, способное приблизить к глазам и подробно, до самых оснований отчетливо показать все на свете — и события жизни, и души людей, и метаморфозы природы — всегда в моих руках, в моих глазах и сердце. Да, так и есть, я все еще продолжаю играть... Но с тех самых пор я перестал верить произведениям, которые рождены желанием сказать: «Смотрите, какой я талантливый, каким большим умом и особенным взглядом я обладаю! Я замечаю, вижу насквозь и глубоко проникаю в то, что

другие не то что увидеть и понять не могут, но даже и не замечают, и выражаю все это волшебной музыкой, изумительными картинами, прекрасными словами». Когда люди делают из волшебного стекла искусства простое зеркало, в котором они с восхищением и любованием видят лишь себя; когда в этом зеркале не видно ничего, кроме одной и той же физиономии с гримасами то смеха, то грусти, то сердитости, то гордости самим собой, тогда вот такая легкая и пустая игра перестает быть такой уж невинной, но по сути своей становится страшной и даже опасной. Когда начинаешь понимать, что эта игра с завязанными в тугую и сложный узел концами и началами смертельно опасна, то страшно становится произнести даже одно слово. Стараясь проникнуть пытливый взором в глубинные смыслы всего, стараясь собрать в своем сердце все лучи души человека и природы, стараясь объединить их в своем сердце в один, как стрела, луч, и без промаха направить ее в умы и сердца людей, стараясь тем самым зажечь в них хоть крохотные огоньки, понимаю ли я, какой именно огонь я зажигаю, какой пожар может полыхнуть от этого огня?! Что и кто тогда подаст мне тревожный сигнал и остановит меня, как остановили меня птицы и огненно-красные ягоды шиповника?!

Потом, когда все будет поздно, смогут ли мои кающиеся крики и оправдания тому, чья душа, опаленная пламенем моего слова, осталась опустошенной, что, мол, я и сам, не выдержав боли от черной выжженной раны на поляне своей души, криком звал на помощь, и тем самым написал эти слова, пусть они и правдивы стократно, превратит ту черную сажу в белые, как молоко, цветы?! Наверяд ли...

ЛОДОЧКИ-КОРАБЛИКИ

Давно, давно —
когда и этот огромный мир, и эта торопливая бурная жизнь
казались не такими жестокими —
что те дни —
когда, спустив в канавку свои бумажные лодочки-кораблики —
кораблики свои, нагруженные любовью и радостью, перепол-
нявшими мое крохотное сердце —

я долго-долго, не отставая, бежал за ними —
проводя их туда, в далекие страны, к людям тех неведомых
миров —

когда точно такие же белые, как снег, бумажные мои самолетики —

мои самолетики, окрыленные моей мечтой принести вселенной
всего себя в дар —

взлетали кое-как —

в меру своих сил —

в крохотные мгновения —

и те высоты, до которых они смогли долететь — заоблачными
высями остались в моей душе —

те дни и простые мои игры через столько лет —

напоминая о себе снова и снова —

станут настолько волновать мою душу —

тогда, тогда —

откуда мне вестать было тогда...

Постой, постой —

отчего все это сегодня —

как приболевший ребенок, что не может заснуть, жалобно
плача —

не давая покоя —

снова и снова будя и без того беспокойные мысли мои —

(не так уж я и постарел — что туда, в свое прошлое — огляды-
ваясь, со слезами оглядываясь, осталось мне жить) —

непривычно напоминая о себе —

навещает меня непростою загадкой —

к чему бы все это?

Постой, постой —

или жизнь сегодня —

как друг, о котором я думал, что давным-давно хорошо его
знаю —

проявился на самом деле как совсем другой человек —

разрисованные и приукрашенные бесчисленные лики свои —
словно играя —

словно испытывая —

заставая врасплох —

одну за другой —
нехотя, нехотя —
снимая и снимая —
внезапно совсем другим —
истинным своим лицом с холодно сверкающими клыками гля-
нула на меня, давая мне знать —
что, как ребенок, что от страха жметесь к матери, прячьтесь в ее
объятых —
зажмуривая глаза —
прикрывая руками лицо —
хотя бы так —
сам того не понимая, прикикая к детству своему —
пытаюсь спрятаться в его объятых?

Постой, постой —
или это говорит мое безмерное сожаление —
когда я туда, в свое детство —
как человек, что ищет хоть крохотный светлый лучик во тьме
своей собственной печали —
чтобы умыться и прийти в себя в целебном источнике своих
светлых и чистых дней —
оглянулся назад —
а перед глазами —
глубокая трещина пересохшего русла той самой канавки моей —
не шрамом стала — неизлечимой раной, края которой никогда
не соединятся —
кораблики мои — тогдашние мои маленькие белые послы —
не так уж далеко уплыли —
совсем-совсем рядом —
на изгибе канавы —
скомкались, поблекли на солнце —
мусором грязным застряли все там —
от этой картины —
комочек в горле застрял — комом того мусора — не давая вы-
хода слезам, переполнившим грудь —
не в силах ни заплакать открыто —
ни, проглотив эти слезы, отвернуться и забыть —
а глаза так и жжет изнутри —
беспомощно —

на это серое осеннее небо —
на тополь — растопыренные ветки свои — словно хочет загоро-
дить дорогу, поймать на полпути — крепко обнять — не отпустить
последний летний день — протянувший во все стороны
ветки своей мысли —
точно так же — протягивая, словно желая загородить дорогу
прошлому — глянул я зря —
а там — тогдашние мои — ну, тех самых дней! — белые, как
молочно-белая тогдашняя моя душа — самолетики —
некоторые из них — на ветках — как в паутине — запутавшись
— не то, что на небе, даже на земле — не добравшись ни до одной
души — стали как зов моего одинокого хриплого голоса —
глянул на землю —
там некоторые из них —
множеством прохожих — как жизнью, равнодушно прошедшей
по моей душе — растоптанными их ногами — с выветрившимся
горячим дыханием-жизнью моей мечты — измятыми —
не имеющими никакой цены —
грязными клочками бумаги стали?

Постой, постой —
я не мальчишка, который только что заметил и ясно увидел —
что жизнь — это волк —
не дезертир, что, бросив знамя, убегает —
трясаясь от страха перед нею —
покидает грохочущее поле битвы —
да, это так —
может, поэтому все это сегодня —
глядя открыто прямо в лицо мне, пришло —
временем, когда уж пора мне, срывая —
столько раз повторившихся — бесчисленных — слов моих раз-
украшенные лики —
(не мальчик уже — одинокий — с самим собой играющий в
прятки — самого себя отвлекающий от тоски) —
истинное свое лицо — не скрываясь — самому себе же и по-
казать —
простыми и прямыми словами — не играя в разные игры —
начать говорить?..

С самых давних времен —
сколько б ни повторяли —
что так уж эта жизнь сотворена —
раз уж выпала доля, родившись на этой земле человеком, про-
жить эту жизнь —
что, это игра, в которой придется участвовать — неизбежно —
каждому — кто как может —
а кем ты будешь участвовать в ней — решают воля твоя, сила
и ум —
и сильные, и слабые — без разницы — лишь себе оправданий
ища —
могут, сделав лишь единственный правильный шаг — непоко-
лебимо —
протискиваясь в толчею —
отчаянно пихаясь —
тесня и давя друг друга —
в безжалостной схватке — выйти в фёрзи — на мягких и те-
плых коврах вольготно восседать —
совершив лишь один ошибочный шаг — (подчинившись своей
лени и нерасторопности) — прислугою став —
трясаясь от страха —
согласно кивая послушною головой —
идя вслед за большинством —
ступая след в след —
под ковры, на которых блаженствуют сильные — мусором гряз-
ным — скатившись —
протискиваясь в толчею —
отчаянно пихаясь —
тесня и давя друг друга —
и там — на худой конец — кто как может — борьбу свою про-
должать —
сколько б ни повторяли —
что это самая интересная и увлекательная игра — такая боль-
шая и загадочная — пусть даже сложная и жестокая —
что на протяжении веков не было ничего выше и сложнее —
сколько б ни смотрели прямо холодно, жестко —
нахмутив лбы —
со сколь угодно вдумчивым глубокомысленным строгим выра-
жением на лицах —

государства —
общества —
классы —
люди, которые только сегодня лишь живы —
в этих их играх — ничего глубокого и сложного я не нахожу
— хотя бы совсем чуть-чуть —
и не то, что сказать «как интересно» и принять участие —
напротив, я клую носом, зевая — так в сон меня клонит —
от печали и разочарования — а что еще делать? — смех меня
разбирает —
от брезгливости и отвращения — так и хочется мне отвернуть-
ся.

С самых давних времен —
одна большая скрытая цель этих так называемых сложных игр
— как магнит — сытая мягкая высокая ступень на лестнице —
способы — и для того, чтобы взять, и для того, чтобы занять —
лицемерие и лукавство; и для того, чтобы казаться белым невинным
— лицемерие и лукавство; и для того, чтобы казаться благородным
и высокоумным — все свалив одну кучу, закрутив и смешав — ска-
зав, что все это очень сложно — что, не каждый может понять и
разобраться — лицемерие и лукавство —

вот и все...

Согласившись —
что так устроена жизнь —
с самых давних времен —
в грязной воде — что вонючей гуцей пенится — барахтаться и
пачкаться — и подчиняться?! —

согласившись —
что так уж устроена жизнь —
перерезав глотку другому —
его горячую кровь — пока не остыла — с торопливой жадно-
стью выпив —

жить, поглаживая довольный и сытый живот свой?! —

сказав, что я не хищник с острыми клыками —

живя бестолковой пугливой овцой —

став едой, утоляющей голод других —

покорно глядя на небо угасающим взором —

никчемною смертью —

умереть?!.

Постой, постой —

натянув узду строптивного коня, успокойся, мое бедное сердце!

—
в этот мир с его «очень сложными», «очень увлекательными» играми —

стрелы своих прямых и простых слов, что копились в душе —
мета точно в цель — ты уже достаточно выпустил —

теперь уже хватит — береги свои стрелы! —

вот теперь-то как раз —

посмотри — как твое детство — снова и снова — желает разбудить твою душу —

загляни вовнутрь, в свою истинную изначальную суть —

так и продолжай игры своей истинной сути —

любовь своей истинной сути на чистых листах бумаги — негромкими песнями — пиши и пиши — и крохотными лодочками-кораблями — отправляя по водам канавы —

отправляя в полет свои маленькие самолетчики — пусть полет их недолог — краток, словно мгновение ока — пусть они не долетят до миров — далеких-далеких — ни верхних, ни нижних —

не барахтаясь в грязной луже никчемных мыслей —

увидят ли их люди, поймут ли на полпути? —

прочитав их строки, услышав их голос, помажут ли руками в ответ? —

выбросят ли, скомкав? — что же они сделают с ними? —

играй и играй в игры — простые-простые — вселенной! —

этому миру, что отражается в твоих глазах с навернувшимися слезами —

не скупясь — в жертву всего себя приноси, мое сердце! —

как знать —

когда-нибудь, когда время придет —

как знать?!

КАЛЕЙДОСКОП

Кто из нас в детстве не брал в руки эту игрушку. Трубочка со стеклянным кружком на одном конце, в которую смотрят, как в бинокль, три продольных зеркальца, осколки разноцветных стекол — вот и все, ничего сложного нет в ее устройстве. Проще простого. Но мне так нравилось часами смотреть и смотреть внутрь

этой простой игрушки, поворачивая ее вокруг своей оси. Вспомните, хоть к этим разноцветным стекляшкам не прибавляется ни одного нового осколка и ни один из них не исчезает, стоит только чуть-чуть повернуть калейдоскоп, как тут же рисунок внутри меняется, появляется какой-то новый цветок, узор, звездочка — все, что угодно. И появляется обязательно совершенно новый, никогда раньше не появлявшийся рисунок. А затем и этот рисунок никогда не повторится. Не знаю как другие, но я лично, как ни старался, но ни разу не смог повернуть так, чтобы повторился хотя бы один из этих рисунков. Правда, иногда, стараясь изо всех сил, выстраивал так, что на первый взгляд казалось, вот он, тот самый рисунок, но присмотревшись как следует, замечал, что он хоть в чем-то обязательно отличается от прежнего.

А о том, как прекрасны эти цветные рисунки, и говорить нечего — все это видели, знают. А если, увидев какой-то особенный узор, захочешь кому-то его показать, то нужно чрезвычайно осторожно поднести калейдоскоп к его глазам, ведь малейшее дрожание руки — и все! — тот увидит совсем другую картину.

«Ни один рисунок никогда не повторяется — почему так?» — думал я тогда со смешанным чувством удивления, восхищения и сожаления. И не сосчитать, сколько снежинок я ловил тогда на подставленные ладони во время снегопада, увидев их узорчатое, похожее на звезды, строение, заметив, что они так похожи на картины в калейдоскопе. И сколько ни рассматривал их, ни разу не видел, чтобы узор одной снежинки был похож на узор другой. Неужели, среди миллиардов снежинок, которых никому не под силу сосчитать, не найдется хотя бы двух абсолютно одинаковых снежинок? Ведь по теории вероятности такие снежинки должны быть. Может, так и быть. Может, из-за того, что я любил с восхищением рассматривать снежинки, словно падающие с неба звезды, я не имею ни желания что-то подсчитывать (неважно, что), ни способностей к математике. Поэтому не буду спорить с теорией вероятности. Но ведь даже представив себе, сколько людей жило со времени появления человечества на этой небольшой планете и сколько живет сейчас, мы не найдем среди этих миллиардов и миллиардов людей двух таких, чьи лица, мысли и чувства, характеры и судьбы были бы похожи друг на друга, как две капли воды. Ведь даже близнецы, если внимательно взглядеться в их лица, все равно, хоть чуть-чуть,

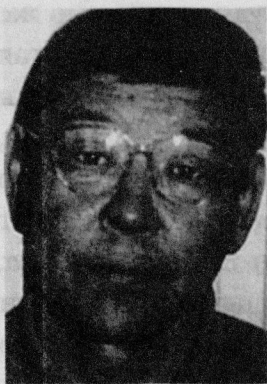
отличаются друг от друга. А уж об их внутреннем мире и судьбах и говорить не стоит. Почему бы и снежинкам не быть такими же?.. Может, и появятся этой зимой снежинки точь-в-точь похожие на снежинки прошлой зимы, ведь каждый год весна и осень сменяют друг друга, каждый год выпадают новые снега и льются новые дожди, и все точно так же повторяется? Но ведь снежинки прошлой зимы растаяли не просто красивенькими звездочками, а впитав в себя наполненные самыми разными мыслями и чувствами дыхание и взоры, слова и песни всех живых существ, всех нас — от травы до людей, — и от этого став хоть чуть-чуть мыслящими и чувствующими живыми существами, сначала оросили ими землю, а затем, испаряясь, забрали их с собой в высокий полет. Может поэтому тенгрии-ангелы на небе летом или плачут навзрыд дождями и грозами, или радостно сверкают солнечными лучами, а деревья и травы земли, зеленея, расцветая и перешептываясь друг с другом, весело пляшут?! А снежинки этого года чистые и невинные, как новорожденные младенцы, не являются ли они крохотными посланцами тенгриев-ангелов, которые хотят донести до нас какие-то вести? А может, они — буквы письмен, передающих эти вести? О эти письмена! — до чего же велик, богат и сложен их язык по сравнению с человеческим языком и письменностью, что человеку не то, что изучить, усвоить и прочесть, но даже сосчитать их буквы невозможно?! А может, не только снежинки, но и все, что мы видим, и даже мы сами — все является буквами этих письмен? И не просто буквами, но священными буквами-рисунками — иероглифами, каждый из которых неповторим. Не является ли весь мир огромной неисчерпаемой книгой с недостижимыми человеческому уму глубокими и высокими мыслями? Книгой, которая все еще до конца не дописана. Книгой, которую вечно пишет вечное небо. Если так, то значит, что в этом мире не то, что жизнь, судьба, мысли и чувства каждого человека, но и наличие или отсутствие и местоположение даже каждого листочка и каждого камешка имеет смысл и ценность. Если так, то как мы можем сказать: вот это главное, а это не главное? Как мы можем различить? Нет, я не могу своим скудным умом выстраивать все это туда и сюда по неведомому мне порядку и ранжиру, только не я. Ведь вполне возможно, что, если какая-то буква, слово или предложение выпадут или выстроятся по-другому, то и смысл всей книги может измениться, запутаться и даже совсем исчезнуть.

А мы, жалкие и несчастные, можем ли как следует понять хотя бы друг друга, не то что прочитать и понять эту книгу? Кажется, что мы, без конца повторяя одни и те же общеизвестные слова, существуем, почти не меняясь. И мне кажется, что мы даже сами не обращаем внимания на то, что наши сегодняшние мысли и чувства еле заметно изменились по сравнению с тем, как мы думали и чувствовали вчера, словно внутри нас повернули какой-то калейдоскоп, что мы вкладываем чуть-чуть другой оттенок смысла даже в самые простые свои слова. А вспомните, как трудно показать и передать другим в неизменном виде тот особенный, редкий узор, который иногда показывается нашему внутреннему взору. Стоит только хотя бы чуть-чуть не так сказать или хоть чуть-чуть не так тебя поймут — все! — та картина, которую ты хотел показать, мгновенно рушится и меняется до неузнаваемости. Или тает на глазах, как крохотная снежинка. Только одна капелька, как слезинка, остается блестеть на ладони. Капелька, как близнец, похожая на другие капли. Так и останешься ни о чем особенном и новом не подумавшим и не сказавшим. Затем, как та капля, растворишься, испаришься и исчезнешь... До чего же безжалостны и жестоки наши души!.. Почему же мы, разделяя по признаку некоторой схожести, равнодушными своими взглядами и жестокими словами суждения группируя и классифицируя все на свете, втискиваем все в одинаковые формы, отлично видя и понимая, что даже каждый день, час и мгновение времени никогда прежде не были и никогда потом не повторятся, не говоря уже о прекрасном и сложном внутреннем мире каждого человека?! Втискиваем, выламывая, отрубая и раздробляя не вмещающиеся в эти формы, шеи, спины, руки, ноги и крылья... Нам бы способность с радостью и восхищением увидеть, принять и сохранить в неизменном виде внутри себя каждый узор, цветок и звездочку души, природы и жизни, как это могут делать лишь дети, увлеченно смотрящие в калейдоскоп...

Неужели никто не замечает и никто в своей душе не сохраняет то, что все, начиная со снежинок, кончая людьми, вот так, явившись лишь на мгновение, исчезают и исчезают бесследно? Так ли уж легко и просто украсить хотя бы одну крохотную снежинку или цветок, которому суждено цвести лишь одно-единственное лето, не говоря уж о человеке, который может вместить в своем сердце всю эту огромную прекрасную вселенную?! Ведь без руки

художника, сколько ни раскладывай перед самым чистым листом бумаги сколь угодно разноцветные краски, они сами по себе никогда не превращаются в рисунки и картины. Ради кого же из всех сил старается этот невидимый художник, кого же он хочет обрадовать? А ведь того, чем пользуется этот художник, так же немного, как и нескольких осколков в калейдоскопе. Каменистая или песчаная земля, травы, цветы, леса да вода — вот и все. Куда ни приедешь, там все та же земля, все та же вода и растения, но неповторимо прекрасных уголков, которыми невозможно до конца восхититься, — на каждом шагу. А даже один и тот же пейзаж, когда он освещается с разных сторон лучами солнца, луны и звезд, становится не одним, а самыми разными пейзажами с бесчисленными оттенками и смыслами... Неужели все это ненужная никому, пустая игра? А знаете, как тревожно, когда подумаешь, что, может быть, хозяин этого калейдоскопа уже вырос и ушел, бросив свою надоевшую игрушку в темный и пыльный угол...

Вполне возможно, что мы из-за этого, так и сяк выстраивая слова, смысла которых до конца не знаем, сочиняем тысячу стихотворений и песен, пишем тысячу произведений. Может быть, мы ищем и не можем найти те немногие слова, которые нам хочется выкрикнуть: «Эй, малыш! Не забывай нас, не оставляй нас! Как бы она ни была проста, как бы ни надоела, не прекращай свою игру!».

Октябрь Т У Н - О О Л

АЛЕНКА

Воспоминания и угнездившиеся в них незабываемые образы — одно из огромных богатств человеческой души.

Оглядываясь назад сквозь годы и вспоминая о своем прошлом, я удивляюсь обилию таких образов в моей душе. Нет-нет да и возникают перед глазами лики из того времени — лики друзей моего сопливого детства, лики тех, с кем я учился и работал... Интересно, что среди них особенно светлое место в моем сердце занимает женский образ. Я не буду говорить о том, что поскольку живая природа имеет два начала — мужское и женское, постольку имеется и вечная связь, священная сила, притягивающая их друг к другу. Я лишь скажу о том, что эта связь имеет большое влияние на чистую личную дружбу между людьми. Известно, что женское милосердие и душевность придают мягкие тона этой дружбе. Чья же душа, покрытая корочкой льда и инеем, не растает от теплого слова и мягкого взора?! Поэтому и имеет свою причину и свой смысл то, что образы моих подруг до сих пор живут в моем сердце, тщательно оберегаемые мной. Они — теплые костры и светлые звезды, встречающиеся мне на дорожках-тропинках моей жизни, они до сих пор разжигают угольки таких великих понятий, как любовь и дружба, не дают угаснуть моей надежде.

Как-то к осени мои родители перекочевали в деревню на берегу Улуг-Хема. Деревня та в народе называлась «татарским городом».

Этот переезд означал, что настало время мне идти в школу. Маленькие низенькие домики и огороды с ивовыми плетнями — это и есть та маленькая деревенька. Там было всего несколько тувинских юрт, а в основном жили русские и хакасы. Хакасов в то время тувинцы называли татарами. Мне, выросшему на летних и зимних чабанских стоянках, эта деревенька казалась огромной, и народу было видимо-невидимо. А сколько было мальчиков и девочек моего возраста! Я не знал русского языка, и поэтому вначале держался в сторонке от них.

Мой дедушка довольно сносно владел русским языком. Он-то и учил меня русскому языку, заставляя меня повторять за ним такие слова, как «здравствуйте», «до свидания», «река», «вода» и т.д.

Наступила зима.

Как-то вечером я стоял и наблюдал за детьми, катающимися с высокого обрывистого берега.

— Чего стоишь? Иди кататься! — сказала маленькая желтоволосая девочка и махнула мне намокшими рукавичками. Я обернулся, думая что она зовет кого-то другого. За мной никого не было. Я понял, что она мне это говорит.

— Иди, садись, — сказала девочка и указала на место в санках позади себя. Сказать, что я очень хотел скатиться с горки на санках, значит, ничего не сказать. В это время дети, со смехом и громкими криками игравшие вокруг, вдруг остановились и уставились на нас. Поправляя свое детское тувинское пальтишко из шкуры козленка и побаиваясь насмешек, я уселся в санки.

— Держись за меня! — крикнула девочка, и санки вихрем полетели вниз по склону. Склон был очень крутой и обледенелый из-за того, что его щедро поливали водой до самой реки. Мне, сидящему позади, ничего не было видно, только стволы тальника мелькали в стороне. Так мы мчались, как ветер, и вдруг наши санки взбрыкнули, как необъезженный телок, и в одно мгновение скинули нас на землю. Видимо, санки отяжелели от веса двух седоков и перестали слушаться поводыев. «Раз!..» и мы нырнули вниз головами в глубокий снег. Когда я вскочил на ноги, земля и небо так и кружились вокруг. Куда-то пропала шапка, одна из войлочных обувок—мойтуков, надетых на босу ногу, тоже куда-то пропала. Я так и стоял, одна нога в обувке, другая — босая, и не знал, то ли плакать, то ли смеяться. Все кругом так и покатались со смеху. Тут я чуть не заплакал. Та девочка тоже стояла рядом вся в снегу. Оттого, что она смеялась, и я не заплакал.

— Чего смеетесь? Ищите шапку, мойтуки, — сказала она, и все, кто там был, со смехом отыскивали из-под снега шапку и обувь.

Я никогда не забуду, как эта маленькая русская девочка отряхнула от снега мою обувь, надела на мою покрытую цыпками ногу и быстро-быстро сказала: «Домой, быстро... печка быстро»...

После этого мы с Аленкой стали близкими друзьями по играм.

Дедушка частенько садился у окна и чинил сыромятные ремни, подшивал старую обувь и т.д.

— О, бедняжка! Какая она красивая, миленькая! Наша невестка пришла, на улице стоит, быстрее одевайся, сынок! — начинал он торопить меня, завидев Аленку из окна.

Или же он заставлял меня умываться, приговаривая: «Видел, какая Аленка чистенькая, красивая? Человеку с русской невестой надо все время подтирать сопли и чисто умываться». А мои родители весело смеялись, когда он таким образом подшучивал надо мной. Хотя я и знал, что дедушка большой шутник, хоть я и был маленьким, все равно я тут же выбегал из дома, сторя от смущения.

Игры да игры. Кого не коснулось это в детстве! Я думаю, что в каждой игре много поучительного, того, что потом так бывает необходимо во взрослой жизни. А какая игра без разговоров? Для меня — неважно владеющему русским языком — такие игры были отличными уроками. В сочетании с открытым, наблюдательным и отзывчивым нравом Аленки все игры для меня были очень интересными, захватывающими. О, как мы играли тогда!

Как-то ближе к весне я заболел. Поднялся жар, мучала жажда, есть совсем не хотелось. Мама в тот день запретила мне вставать с постели и выходить на улицу. Но я, несмотря на запрет, нет-нет да вскакивал на ноги, когда никто не видел, подбегал к окошку и выглядывал. А когда Аленка показалась в окне, я дал ей понять, что заболел, указывая на горло, обмотанное теплым заячьим мехом.

Уже ближе к ночи залаяла наша собака.

— Кто же это ночью к нам пришел? — сказал отец и вышел наружу.

Вскоре послышался голос Аленкиной мамы. Она неплохо говорила по-тувински.

— Эки-менди, сосед. Буруу-ла, өршээ-ле,¹ — заговорила она, заходя в дом. Вслед за ней зашла и Аленка. «Что же они пришли

¹ Здравствуй, сосед. Виновата, извини.

посреди ночи?» удивился я. К тому же я еще и страшно засмутился.

Аленкина мама прямиком прошла ко мне и приложила ладонь к моему лбу. Оттого, что она только что зашла с мороза, от ее ладони приятно обдало холодком. Одновременно с этим на меня, как ветерок, хлынул аппетитный запах очень вкусных шанег.

— Чаа, ажырбас. Ажырбас. Эртен кадык ол. Бо малина шай салыр, ижер. Бо ыт-кат,² — сказала она и протянула моей маме то, что принесла. Там были и шаньги.

Моя мама засуетилась, наливая чай и ставя угощение для гостыи.

— Я в город ездила, поздно вернулась. Но дочка так и не дала мне посидеть, заладила: «Мергешка болеет, Мергешка болеет». Вот ночью и пришла соседка, извини, — рассказывала Аленкина мама, прихлебывая горячий чай.

Вначале Алена зашла, как бы не замечая меня, но теперь я заметил, что от ее сдержанности не осталось и следа, так свободно и бодро она смотрела на меня. В ее голубых, как ясное небо, глазах вспыхнули хорошо знакомые мне веселые огоньки. Казалось, что стоит мне произнести хоть одно слово, она тут же прыснет со смеху.

«О, мой маленький заботливый друг!» — подумал я, и от этой жалостливой мысли защемило мое детское сердце. Чувствуя, что горячее и тугое биение моего сердца подкатило к горлу и рвется наружу, собираясь беззастенчиво вылиться слезами, я побоялся открыть рот и сказать хоть одно слово.

Оказалось, что Алена принесла с собой свои коньки, на которых мы катались по очереди. Она положила их на кровать прямо передо мной.

— Как выздоровеешь, первым кататься будешь ты. Ладно? — сказала она, улыбаясь...

Такое невозможно забыть. Ее улыбающееся лицо так навечно и запечатлелось в моей памяти.

Жизнь вообще очень удивительна. Она удивительна тем, что преподносит такие хорошие замечательные дни и мгновения, которых ты и не ждешь.

Случилось это несколько лет тому назад. Как-то будучи в Кызыле, чтобы пообедать я зашел в кафе рядом с центральным базаром. Народу в кафе было уйма. Я взял пельмени и начал

² Ладно, ничего. Ничего. Он завтра будет здоров. Вот надо поставить чай с малиной, надо пить. Вот ягоды шиповника.

осматриваться, куда бы присесть, и заметил полную русскую женщину, обедавшую с маленькой девочкой. Только рядом с ними было свободное место. Я нехотя сел рядом с ними. Дела у меня были очень спешные, и я ел так быстро, что вначале ничего не заметил. Но вдруг краем глаза заметил, что эта женщина пристально смотрит на меня. Мне стало неудобно, и я начал есть медленнее.

— Силер Мерген силер бе?³ — спросила женщина, заметив это.

От неожиданности я чуть не подавился пельмешкой. В свою очередь теперь я уставился на эту женщину, обратившуюся ко мне на чистом тувинском. Перед мысленным взором так и замелькали лица всех тех, кого я знал. Кто же это?

— Авай, авай! Мерген-дир силер харын. А мен Алена... Алена ышкажым чүл...⁴ — сказала она и засмеялась, прикрывая рот ладонью, как смешливые девочки.

Боже, тот же жест, тот же смех, те же голубые огоньки, играющие в глазах! Кружа, словно в танце, они вытащили из дальнего сокровенного уголка моей памяти образ Алены — моей маленькой милой подружки!

Удивительно. Ведь это не единственное кафе в Кызыле. Да и свободное место за столом не обязательно должно быть рядом с Аленкой.

«Милостью божьей, видно, это невидимая рука судьбы привела меня к Аленке!» — думал я пораженный.

Когда Аленка училась в пятом классе, ее родители переехали в другое место. С тех пор прошло почти тридцать лет.

— Как ты меня узнала? — спросил я, словно все еще не верил в случившееся.

— А вот это что? — со смехом спросила она, указывая на мой лоб.

Я машинально нащупал лоб: там есть круглая черная родинка, а под ней маленький шрам в виде буквы «О» с щербинкой наверху. Я тут же вспомнил, как я ударился лбом о лед, когда мы с Аленкой катались на коньках, как нас ругали наши мамы, мол, как начинают играть, так ничего не видят и не слышат.

О чем только мы тогда не поговорили: о родителях, о детстве, о том, кто сегодня как живет, о нашей деревеньке,

³ Вы Мерген?

⁴ Мамочка, мамочка! Точно, вы же Мерген. А я Алена... это же я — Алена...

безвозвратно ушедшей на дно моря... Мы сидели, овеянные сладостным светлым ветерком наших душ, будто мы только что выбежали на солнечный пригорок нашего детства. Я узнал, что она замужем, есть дети, работает учительницей, что она очень счастлива.

— Ой, уруум, доченька, последний урок. Всего несколько минут осталось, — вдруг заторопилась она, взглянув на часы. — Приходите к нам в гости, обязательно возьми с собой жену и детей. Я со своими познакомлю. Мама уже старая, но вас не забывает и до сих пор спрашивает, как живут твои родители, — сказала Аленка и написала на бумажке свой адрес.

— Как ты так научилась по-тувински говорить? — спросил я, не удержавшись.

Алена взглянула на дочку и рассмеялась.

— Ой, забыла. Ее отец — тувинец. Мой муж строитель. Как же жена тувинца может не говорить по-тувински! У нас трое детей, все говорят по-тувински, — сказала она и взглянула на дочку. — Уруум, тывалап бо акый-биле байырлажып көрөм.⁵

— Байырлыг, акый! — на чистом тувинском попрощалась со мной ее дочь.

В этом «до свидания» ее дочери зазвенел, как серебряный колокольчик, незабываемый голос той маленькой Аленки, которую я знал очень-очень давно.

Хоть Алена была уже в возрасте, но я со сладко щемящим чувством узнавал свою маленькую милую подружку Аленку, так прекрасно она сохранила не только свою искренность и непосредственность в разговоре и поведении, но даже ту давнюю свою походку.

Булано-солового и черно-солового

Эх, иметь бы мне двух коней.

Сына русского и сына тувинца

Эх, иметь бы мне двух друзей.

Так иногда пел мой дедушка, приняв по редким случаям чарочку-другую. И правда, у него было очень много друзей — и русских, и хакасов.

Из своего жизненного опыта знаю, что если человек тебе по-настоящему друг, то ни возраст, ни пол, ни национальность не имеют значения. Мои добрые друзья, с кем, благодаря судьбе,

⁵ Дочка, попрощайся с дядей по-тувински

мне довелось встретиться на своем длинном жизненном пути — и женщины, и мужчины, и те, кто старше меня, и те, кто моложе — навечно остались моими теплыми кострами и светлыми звездами. И среди них моя маленькая милая прекрасная звездочка — Аленка.

Идя от одного костра к другому, человек не успевает замерзнуть, и когда свет одной звезды подхватывает свет другой звезды и светит дальше, человек даже в самые трудные времена не сбивается с пути...

Перевод Эдуарда Мижита

Наталья АХПАШЕВА

Ахпашева Наталья Марковна. Родилась 31 января в 1960 г. в селе Аскиз Республики Хакасия. Окончила Абаканский филиал Красноярского политехнического института (1983 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1993 г.). Автор шести поэтических сборников: «Я думаю о тебе» (Красноярск, 1990), «Солярный круг» (Абакан, 1993), «Тысячелетье на исходе» (Абакан, 1996), «Кварта» (Новосибирск, 2000), «Из памяти древней» (Абакан, 2010), «Зеркала в зеркалах» (Абакан, 2015). Стихи публиковались: в журналах «Улуг-Хем» (Кызыл), «Алтай» (Барнаул), «День и Ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сибирские Афины» (Томск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Байкал» (Улан-Удэ) и других; в центральных писательских еженедельниках «Литературная Россия» и «Литературная газета»; в коллективных сборниках и антологиях «Вечерний альбом: Стихи русских поэтесс» (1990 г.), «Современная литература народов России» (2003 г.), «Новое время» (2009 г.), «Поэты «Сибирских огней» (2012 г.) и других. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры Республики Хакасия. Награждена медалью Кемеровской области «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, орденом Совета старейшин родов хакасского народа «За благие дела». Живет в Абакане. Работает в пресс-службе Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.

* * *

Здесь звезды ярче, а судьба ясней.
Сквозь снег сгущаясь, обещает вечер —
минуем перевал и от ремней
освободим натруженные плечи.

Я здешний космос издавна люблю.
Какой бы век ни заступал на смену,
здесь знают цену теплomu жилью
и сухарю ржаному знают цену.

Товарищ старый, нам не привыкать!
Захочешь жить — сумеешь обучиться
надежному искусству выживать
и вправе этим навыком гордиться.

* * *

По дороге кружной,
от большака в стороне,
мчит наметом верховой
и в переметной суме
неплохой везет хабар,
с удалых трудов навар.
Скоро солнцу всходить.
Шевелись, волчья сыть!
А на обочине — другой
бедовый молодой
не пьянешенек лежит,
сотоварищем убит.
Снаряжались вдвоем.
Веселиться одному.
Ходи, хата, ходуном —
вдвое прибыло ему
и хлопот, и забот...
Позабыты имена.

Повернул коловорот
на иные времена.
Все ж, держи поближе нож,
как с дружками начнешь
вдругорядь бабло пилить —
честь по чести делить.

ЧИТАЯ СУНЬ ЦЗЫ

Не нами — предел обозначен
и путь к отступленью закрыт.
Пусть добрые боги заплачут,
и лучшие взвоют миры!
Тревожный призыв порубежья
на дальних клубится холмах.
Наш час полыхнет неизбежно
зарей на червлёных щитах.
Подымешь над строем десницу —
и рядом полечь нам костью...
Но истинный суд совершится
не между людьми и людьми.
Хулой и хвалой голосистой
не сразу молва отшумит...
Смотри же, какой серебристый
туман по ложбинам парит!
Пора нам — удачи изведать,
проведать врагов и друзей,
но должно сначала — победе
в душе утвердиться твоей!

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ЧИНГИСХАНА

А в завершенье пройденных времен
щедрой наградой терпению-печали,
как, золотой покидая Онон
мглой предсрассветной, верблюды кричали,
лошади ржали, по волнам степным

плыли кибитки, телеги скрипели,
под бунчуками — один за другим —
дружным железом тумены гремели
и уходили, припомнится вдруг.
Думой взлетишь над землей необъятной,
и незнакомый до срока испуг
в самое сердце ужалит внезапно,
что никакие хоромы-дворцы,
льстивые слуги и чуждые боги,
горы сокровищ и княжьи венцы —
не оправданье судьбы и дороги,
а через все расстоянья-пути
вел за собою войска устремленно,
чтобы когда-нибудь снова взойти
на берега золотого Онона...
Сокола вновь отпуская в полет,
звякнут цепочкой серебряной путы.
Взгляд исподлобья угрозой сверкнет:
— Стар я.. Но так неучтивы тангуты...

* * *

Ты покинул мои времена.
Ты вернулся в свои города.
Источили гранит письма:мена:
никогда, никогда, никогда.

Ароматная летняя ночь
шелестела за кругом костра.
Засыпала счастливая дочь
в глубине кочевого шатра.

Ты покинул мои времена —
накренился простор под крылом.
Затерялись мои племена
меж мирами ячменным зерном.

Ты вернулся в свои города
из объятий любимой сестры.
Не найти у дороги следа,
где стояли родные шатры.

Над железобетонной землей
нависает стальной небосвод,
и тоска ядовитой змеей
на могильнике старом живет.

ВНУТРЕННИМ ЗРЕНИЕМ

Плещется июль в луне ущербной.
Обострились запахи и звуки.
Пряный воздух, влажный и упругий,
волнами накатывает мерно.
И на самом дне ночного неба
я лежу в траве, раскинув руки.

Чувствую себя на миллионы
лет от сотворения Вселенной.
Вспоминаю, как душою пленной
будущих галактик эмбрионы
маялись в бездействии. Бездонный
хаос вспух бушующей геенной.

Полыхает память где-то с края,
как старался металлург упертый,
в недрах огнедышащей реторты
время и пространство выплавляя —
весело белками глаз сверкая,
надрываясь на разрыв аорты.

Много надо силы и старанья,
чтобы свет от мрака отделился,
строй небесных сфер установился,
срок отсчитан, выбраны названья,
заполняя формы мирозданья,
ферросплав добра и зла излился...

Внутренним своим таинным зреньем
вижу так. Но — почему, откуда?
Степь вокруг во сне вздыхает будто.
Невесомо ветра дуновенье.
И в ночное небо с восхищеньем
все смотрю. Какое это чудо!

* * *

Табуны мои степные — воронье и гнедые.
Нерасчесанные гривы, дикий нрав, оскалы злые.
Будто морок ураганный, мчатся сквозь восход туманный,
а вдогонку раздается посвист буйный, крик гортанный.
Помнишь? Молодыми были и в табунщиках ходили,
всем другим парням на зависть плеть за поясом носили.
Солнце катится на запад, день уходит без возврата,
и не можешь надышаться чабрецовым ароматом.
Счастье — не звенит в кармане, сколько силы ни достанет —
не удержишь против воли, как двухлетка на аркане.
И во времена любые сорвиголовы лихие
будут гнать по следу счастья табуны свои степные.

Роман Л У Д У П

ДВА ПИСЬМА

1

Словно мираж, что вечером странно
По бескрайним блуждает степям,
Там, где стоят кусты караганов,
Засыпая, я вижу тебя.

Золотом солнца меня озаряя,
В моих снах появляешься ты,
Лунным светом всю ночь соблазняя,
Все мои пробуждаешь мечты.

В окнах иней свой сад мне рисует,
И сквозь эту холодную сень,
Так, улыбкой меня истязая,
Мне ты лжешь, что цветет уж сирень.

Эта ложь, как туман, тут же тает,
Стоит мне пробудиться от сна,
И со смехом мороз поддевает
Сквозь узор ледяного окна.

2

Засыпан белыми снегами
Мой дом, запущенный, пустой.
Зима лишь вьюжными ветрами
Стучит в ворота мне порой.

Поди, весна уже в Вижае,
И вишни там всюду цветут,
И соловьи там, заливаясь,
На все лады уже поют.

Наверно, в этот час, скучая,
Без лишних мыслей и забот,
Готовишь пряжу, причитая,
Что будто дел невпроворот.

А мне по-прежнему все так же
Особо нечего сказать,
Трудам горячим день свой каждый
Стараюсь верно посвящать.

К чему скрывать, меня тревожит
Вся в золоте коса твоя,
Что плечи нежные щекочет,
Поньше все к тебе маня.

Чтоб ты ко мне вернулась снова
Не буду умолять я, нет,
Письмо отправлю и ни слова
Не буду ожидать в ответ.

Те дни, когда мы вместе жили,
У памяти уж не украсть
Что все ж друг друга мы любили,
Вдвоем мы будем вспоминать.

Вот так, наверное, в далеких
Двух уголках страны большой
Закончим дни мы без намека
На то, что свидимся с тобой.

И потому я низко, в пояс,
От сердца кланяюсь тебе,
Желая счастья и покоя,
И с благодарностью судьбе.

Поди, весна уже в Вижае,
А к нам она не поспешает...

* * *

Солнце, словно стеснительной девушки щеки,
Заалев, закатилось за горы, и тут
Вижу, что по степи, сквозь мираж ее легкий
Шестьдесят человек друг за другом идут.

На ветру их косички, вздымаясь, как плетки,
Своды неба хлестали, как крупы коней,
И оружие их в свете дня на излете
Блеском ярким сверкали, как радость во мне.

Побежал я тогда, поравнявшись со строем,
И спросил их с надеждой в груди, что возьмут:
«Вы откуда идете дорогой прямою,
И какие края вас и битвы зовут?»

Но никто мне в ответ так и не оглянулся,
Неужели в степи растворился мой крик?
И никто в этом строе мне не улыбнулся,
Неужели услышан я не был в тот миг?

«Там дома ружье отцовское есть. Я скоро.
Братья старшие, вы подождите чуток!» —
Прокричал я им вслед, и со сладким восторгом
К юрте пульей я тут же рванул со всех ног.

И на слабые плечи ружьишко закинув,
Прибежал я обратно, но их не застал...
Те герои ушли, будто в неба глубины,
Только желтую степь свет луны целовал.

С того дня я в степи той пустынной с надеждой
На закат все гляжу, словно преданный страж,
Ожидая, когда же герои, как прежде,
Вновь покажутся грозно сквозь синий мираж.

ВЗГЛЯД

Вот ночь опять глядит мне в спину,
Ее я взгляд поймал сегодня вновь.
Дыханье тьмы, пустой, глубинной,
Почуял я, и вся застыла кровь.

Ты кто, ответь мне, гость незванный?
Ты дьявол или бог, прошу, скажи?
Иль счастья путь, иль груз страданий,
Иль боль моей встревоженной души?

Едва рассвет лучом безмерным
Мои сомнения отгонит прочь,
Шепнув: «Прощай до звезд, до первых»,
С оглядкой вновь уйдешь бесследно в ночь.

* * *

Я помню тот последний вечер —
Я слушал, ты все объясняла.
Трепал твое пальто лишь ветер,
Когда с крыльца ты провожала.

В немую ночь тогда я уходил,
Что свет окна твой отдаляла.
Мои слова: «Не мерзни, заходи»,
Увел тот ветер. Ты стояла.

ИГРА СТРАСТЕЙ

1

Густым туманом встал меж нами
Белесый дым от фимиама.
В молитвы час перед богами
Сидишь, сложив ладони, в храме.

Тебя узнал, едва завидев,
В дыму ты — словно небожитель.
Закрыв глаза, шепча неслышно,
Твердишь молитвы силам высшим.

В мольбе, как будто забываясь,
Ты чье-то имя повторяешь.
Мне показалось — мне ты пела,
И я шагнул к тебе несмело.

Кольцо твое на пальце белом,
Блеснув, без слов все объяснило...

2

Блеснув, без слов все объяснило
Кольцо твое на пальце белом...
И остановленный тем блеском,
Я встал, как вкопанный, на месте.

От чувств, что буйно вдруг воскресли,
Меня не слушается сердце.
Лишь год не виделись с тобою,
Лишь год — осуждены судьбою.

Монахи бьют все в барабаны,
Взывая к грозным всем бурханам,
Литавры, бубны бьют: «Не стоит,
Нельзя, нельзя, ведь все пустое»...

Как жалок я, что вновь поддался
Игре страстей, пустой, напрасной...

Переводы Эдуарда Мижита

Шангыр-оол С У В А Н

КОЗЕЛ ЕСТЬ КОЗЕЛ

Рассказ

Сылдыс проснулся первым. Утреннее небо в обруче хараача, круглого отверстия над очагом юрты, так сияло, что показалось мальчишке синим солнцем, а державшие его со всех сторон белые жерди — лучами. От удивления он толкнул локтем в бок брата, который спал рядом. Тот только перевернулся на другой бок.

— Соколики, соколята мои, пора подниматься, — ласково проворковала бабушка, заметив, как внуки завозились в постели, — кто рано встает, тот коня найдет.

А когда мальчишки встали, велела:

— А ну-ка, бегите к речке, богатыри. Сполоснитесь от свиного сна.

Мальчишки побежали умываться к речке, что протекала недалеко от юрты. Вдруг Мерген, покачнувшись, шумно плюхнулся в речку.

— Эчик-эчик, ты чего толкаешься! — закричал он.

— Ха-ха-ха! Ты же сам в воду прыг... — Сылдыс не договорил и тоже полетел в речку. Ледяная вода обожгла, и он хотел было сразу выпрыгнуть на берег. Но тут мальчишки увидели большого черноголового козла, который стоял на берегу, направив на них рога,

похожие на изогнутые восточные клинки. При каждом движении мальчишек он грозно наклонял голову.

— Бабушка-а-а! — позвали они на помощь. — Отгони козла!

Бабушка выглянула из юрты.

— Кара-Баштыг, Кара-Баштыг, черноголовый мой, а ну-ка, не балуй, — ругала она козла, — отойди от мальчишек, непутевый!

Увлеченный осадой козел не обращал внимания на бабушку. Видно было, что она его не первый раз ругает. Ей пришлось взять хворостинку и отогнать козла.

— Узнаете?

— Кого? — в один голос спросили мокрые внуки.

— Кара-Баштыга. Вы же научили его бодаться прошлым летом, когда он был еще маленьким козленком.

— А... — вспомнил Сыдыс, — какой большой стал!

— Бабушка, а он не узнал нас что ли? — спросил Мерген.

— Не знаю, — ответила бабушка, — может, и узнал своих учителей. А то с чего бы он стал вас в воде полоскать. Бодаться-то он мастер.

А козел, словно в подтверждение, вертелся вокруг, не скрывая намерений боднуть мальчиков.

— Смотрите, какие у него рога. Ходит и точит обо что попало. Аж сверкают на солнце, — рассказывала бабушка. — Недавно мэр приезжал. Как его сзади стуканет, тот с испугу деру дал, а Кара-Баштыг за ним. По всему аалу гонял. Пришлось деду его спасать.

Мальчишки засмеялись, представляя себе, как толстый и коротенький мэр, добродушный дядя Чуглур, бежал колобком от козла, а тот катил его рогами.

Братья приехали на чайлаг не только отдохнуть, но и помочь бабушке с дедушкой.

Бабушка собрала поесть: положила в мешочек лепешки, налила хойтпак в когээржик. В прошлое лето дедушка научил ребят пасти овец, поэтому мальчишки вели отару по пастбищу, как заправские чабаны. Когда наступила полуденная жара, овцы сгрудились в тени деревьев. Теперь и маленьким чабанам можно было перекусить. Они сели на пригорок и начали есть. Вдруг Сыдыс кувыркнулся через голову и покатился вниз. Увидев это, Мерген покатился за братом.

— Ты чего балуешься! — рассердился Сыдыс. — Я из-за тебя половину хойтпака разлил.

— Ты же сам покатился, а я за тобой, — ответил Мерген.

— Ты меня толкнул, — проворчал Сылдыс, но осекся и показал пальцем вверх. Мальчики увидели, как черноголовый козел с большим аппетитом уплетает их лепешки. Они было ринулись отнимать свое, но Кара-Баштыг двинулся вперед, наклонив голову, на солнце угрожающе сверкнули рога-сабли. Братья нерешительно остановились. Видно было, что козел не имеет ни малейшего желания уступать добычу без боя. Предстояло серьезное столкновение. Мальчики быстро нашли длинные сухие ветки деревьев, выставили впереди себя, как копыя, и пошли на козла. Не ожидая таких слаженных боевых действий, тот отступил.

Видно, Кара-Баштыгу никто раньше серьезного сопротивления не оказывал, и все победы доставались ему легко. Но козел, хоть и отступил, оставлять поле боя не собирался. Кружил вокруг. Лепешки тянули его, как магнит. Видя это, Сылдыс оторвал кусок лепешки и протянул ему. Козел осторожно подошел и опять выставил вперед рога, предупреждая, что с ним шутки плохи. А затем в мгновение ока выхватил угощение из руки мальчика.

— Да он ручной, — удивился Сылдыс. — Только с виду грозный.

Он протянул еще один кусочек. Кара-Баштыг осторожно взял и его. Уже без прежней угрозы.

— Его дрессировать можно. Как медведя, — сказал Мерген. — Дай-ка.

Но когда лепешку протянул он, козел резко встал на дыбы. Мерген побежал прочь, а козел бросился в погоню, которая продолжалась, пока тот не выронил лепешку.

— Вот трус, — смеялся Сылдыс над младшим братом. — Он трусливых только и гоняет. Считаю, твой первый цирковой номер уже готов!

— А попробуй сам, когда он бодается, — обиделся Мерген.

— А и попробую.

Сылдыс снова протянул козлу кусочек лепешки. И когда тот потянулся за угощением, отвел руку, заставляя козла невольно пойти за ней. Он обвел козла вокруг себя, будто тореадор быка, и тем самым положил начало дрессировке. И, готовый душу отдать за кусочек лепешки, Кара-Баштыг легко ей поддавался. Вдобавок к этому козел оказался очень сообразительным. Он быстро понял, что исполнив команды мальчиков, получит любимое лакомство. Так маленькие чабаны и козел стали творческим коллективом.

Дрессировать умного, но своевольного козла оказалось делом сложным. Сытый Кара-Баштыг уходил в отару усмирять ретивых или в горы лазить по скалам, а иногда просто дремал в тени. Чтобы привести козла в творческий настрой, приходилось держать его на голодном пайке. И его выдерживали, словно коня перед скачками, привязанным за рога к дереву.

Кара-Баштыг научился многому. Ходил по бревну, прыгал со стула на стул, гарцевал на задних ногах. Через некоторое время ребята решили показать небольшую программу жителям аалов на чайлаге. Даже нарисовали афишу и повесили на перекрестке. Она гласила, что будут демонстрироваться цирковые номера с участием козла Кара-Баштыга. Все знали бодливого Черноголового, и в обеденное время зрители собрались возле юрты бабушки и дедушки. Кто пешком пришел, кто на коне, кто на воле, кто на машине приехал. Хоть и короткое, выступление всем очень понравилось. Особенно клоунада, где Мерген убежал с лепешкой в руках от козла.

Когда начался новый учебный год, ребята хотели показать программу в школе. И поехали за козлом вместе с отцом, но Кара-Баштыг не захотел садиться в машину. Уперся рогами и копытами. Что поделаешь, хоть и талантливый, — козел есть козел.

Перевод Игоря ПРИНЦЕВА

ПЕРВАЯ ОХОТА

Рассказ

Давнее желание Ангыр-оола исполнилось. Наступил день, когда дядя Анчы обещал взять его на охоту. Дядя был известным, уважаемым в округе охотником, и Ангыр-оол гордился им. В разговоре настоящего его имени никогда не называли, говорили «Анчы». И слышалось в этом столько уважения и признания, что всякий, кто первый раз это слышал, тут же догадывался, что дядя — самый лучший охотник. Дядя знал, что Ангыр-оол во всем равняется на него, и за это любил племянника.

За день Ангыр-оол несколько раз поднимался на горку около аала и подолгу всматривался вдаль, куда змеей ползла дорога.

Заметив это, мать сказала:

— Охотник должен уметь ждать. А ты бегаешь туда-сюда, как

суслик. Только сдержанный, терпеливый может стать настоящим охотником. Будешь таким — станешь охотником, как дядя Анчы.

Ангыр-оол услышал в ее голосе гордость за брата и решил больше на гору не подниматься. Чтобы как-то отвлечь себя, он начал играть в кажык, но игра не давалась, и кажык летел мимо, покуда громкий лай Эгерека не подбросил его вверх. Стрелой Ангыр-оол вылетел из юрты и увидел, как дядя Анчы на своем любимом коне Анчы-Доруге подъезжает к аалу. Мальчик побежал навстречу, и дядя прямо с седла, чуть нагнувшись, легко подбросил Ангыр-оола и посадил впереди себя.

— Ну давай, маленький удалец!

— Я уже думал, вы сегодня не приедете.

— Э-э, — загорелое лицо дяди стало серьезным. — Если мужчина не держит слова, он рождается в нижнем мире безрогим быком. Не хочу быть быком, да еще безрогим! — пошутил он.

Анчы одобрял желание племянника стать настоящим охотником. Часто брал с собой в тайгу и, показывая следы, учил их читать. Учил слушать голоса зверей и птиц, шум ветра, тишину тайги, и узнавать по ним, что происходит вокруг. И вот настало время выводить мальчика на охотничью тропу, дать почувствовать настоящий азарт.

Идти решили на рассвете, когда все звери выйдут на эртенги одар, утреннюю кормежку. Дядя разбудил Ангыр-оола затемно, и вместе они согрели чай, чтобы не застыть в утренней прохладе.

— До рассвета нам надо быть на хребте, — сказал Анчы и пошел вперед. Хотя дяде было за пятьдесят, он быстро и легко шел в гору. Чтобы не отстать, Ангыр-оолу иногда приходилось переходить на бег, придерживая на плече старое ружье, подаренное дядей. Они поднялись на хребет, когда из-за гор выкатился золотисто-красный диск солнца.

— Пойдем по хребту и будем сверху осматривать солнечную открытую сторону. Туда животные должны выйти на кормежку. Мы находимся выше, поэтому запах быстро растворяется в воздухе. Ветер дует на нас, так что они ни за что не почувют нашего присутствия. Если только не выдадим себя шумом.

Охотники шли по самой вершине хребта, внимательно глядя вниз. Вдруг дядя присел и взглядом показал на противоположную сторону. Ангыр-оол посмотрел туда и увидел пасущихся косуль.

— Давай снимем идики, — сказал Анчы. — Пойдем босиком, в сапогах шуму наделаем.

Разулись и пошли. Дядя бесшумно скользил впереди. Чем-то он был похож на кота, который подкрадывался к мыши, чтобы мгновенно броситься на нее. Мальчик смотрел на пятки дяди и шел за ним след в след. Голыми ступнями он чувствовал каждый сучок, каждую травинку под ногами. Ему казалось, если он чуть сильнее наступит, земля провалится под ногами. Бесшумно, словно тени, охотники появились местом, где паслись косули.

— Это самка и самец, — прошептал дядя. — Вот с рогами самец, а рядом с ним самка.

Мальчик первый раз увидел живых косуль и невольно залюбовался ими. В лучах утреннего солнца на грациозных длинноногих животных серебрилась шерсть. Когда они застывали, прислушиваясь к утренней тишине, то казались вырезанными из агальматолита.

— Какие они красивые, — вырвалось у Ангыр-оола.

— Ш-ш-ш, — прошипел дядя и рукой с толстыми пальцами грубо закрыл ему рот. — По обычаю охотник не должен любоваться своей добычей. Иначе не будет удачи.

Косули еще не почуяли нависшей над ними смертельной угрозы. Легкий ветерок и утренняя тишина не предвещали ничего дурного. Ангыр-оол смотрел, как они игриво бодаются, и не замечал, как дядя медленно поднял ствол ружья, тщательно прицеливаясь, как плавно нажал на курок.

Гром выстрела расколол тишину, и подбросил самца высоко в воздух. Он пролетел несколько метров, упал на землю и покатился вниз, пока не зацепился за камень рогами. Ноги дергались, будто он хотел убежать от уже настигшей его смерти. А самка, упершись всеми четырьмя ногами в землю, застыла на месте, как будто вросла.

Ангыр-оол повернулся к дяде. Тот уже привстал на колени, будто волк, готовящийся к стремительному броску. Прицеливался. Вот-вот нажмет на курок и оборвет еще одну жизнь. Мальчик схватился за ствол ружья и дернул его к себе. Эхо выстрела раскатисто унеслось в тайгу.

— Ты что?! — дядя вырвал из рук Ангыр-оола ружье. — Это тебе не игрушка!

Мальчику показалось, что перед ним чужой человек, с чужим злым голосом, с чужими злыми глазами. Ангыр-оол посмотрел на ладонь, обожженную раскаленным от выстрелов стволом.

— Упустили, — в сердцах сказал дядя. — Пойдем, посмотрим добычу.

Животное было еще живо. С усилием втягивало в себя воздух, будто не могло надышаться. Дядя взял подранка за рога и несколько раз сильно тряхнул. Из горла косули раздался хрип и побежала темная кровь. Неестественно вытянулись четыре ноги, скованные предсмертной судорогой и тело поникло. В открытых глазах отражалось небо, вершины деревьев, дядя и сам Ангыр-оол.

Мир расплылся в глазах мальчика. Чтобы не показать своей слабости, он сел на камень, повернувшись к дяде спиной.

Засучив рукава, Анчы начал свежевать добычу. Движения рук были уверенные, будничные, лишь хищно поблескивало лезвие ножа.

— Иди сюда. Научу снимать шкуру, — позвал мальчика дядя.

— Не хочу, — сказал Ангыр-оол.

— Если жалеешь зверей, то на охоту не надо проситься, — равнодушно сказал дядя. — Настоящего охотника из тебя не выйдет.

— Я больше на охоту не пойду, — сказал Ангыр-оол. — Вот ваше ружье.

— Нет в тебе охотничьей жилки, — выхватил ружье Анчы. — Настоящий мужчина берет в руки ружье, чтобы вернуться с добычей. Если хочешь любоваться зверями, иди в зоопарк.

Когда вернулись с охоты, мать сразу заметила:

— Не вижу радости охотничьей удачи.

— Не получится из него охотник, — возмущенно сказал дядя. — Жалеет зверей. Не понимает, что они дар природы человеку. Мясо в пищу, шкуры на одежду. Это закон природы. В ней каждому живому существу отведено свое место.

— Да, конечно, — сказала мама. — Я рада, что у моего сына такое сердце.

Перевод Игоря ПРИНЦЕВА

Татьяна КОЛАЧ

ЧЕГО Я ЖДУ В ЗЫБУЧЕЙ ТИШИНЕ?

В стихах Татьяны Колач чувствуется глубокое знание жизни. Окончив медицинское училище, когда ей было немногим больше двадцати лет, она вступила в должность фельдшера на станции скорой помощи, где проработала более тридцати лет. Сколько страданий, отчаяния и боли она видела за эти годы, может поведать только она сама. Или любой другой бывалый работник скорой помощи. Но что-то есть в Татьяне, что не дало ей зачерстветь, не стать бесстрастным свидетелем несчастий, но пропускать все страдания через себя, перемалывать их жерновами своего разума и выстраивать в ряды слов на бумаге. Многие ее строки полны тревоги и тоски, мир представляется мрачной холодной бездной, полной безжалостных бурь, ледяным вихрем носящих нас, обреченных, по бесконечному кругу страстей.

Несмотря на эту кажущуюся безнадежной картину, поэт не поддается отчаянию, неугасимая искра горит в ней, и заставляет искать. Но искать чего? Утешения? Спасения? Короткого мгновения счастья, что позволит хоть на миг забыть о неотвратимых страданиях?

Смирения? В своих поисках автор обращается к ненадежному теплу человеческой любви, что так быстро угасает, к молитвам, ответ на которые мы не в силах услышать, к единению с природой, которая неумолимо безразлична к нашим бедам. Нашла ли она, и узнала ли, чего искала? Понять можно, лишь прочтя ее стихи, и едва ли ответ будет однозначен.

Татьяна Владимировна автор шести книг, первая — сборник стихов «Прислушайтесь к тишине» вышла в 2005 году. Своим наставником в стихотворном ремесле считает Бориса Бурмистрова, председателя Кемеровского союза писателей. Член Союза писателей России с 2011 года.

* * *

Нас несет по холодному кругу
В ледяные просторы зимы.
И беснуется старая вьюга,
Раскрывая объятия тьмы.
По промерзшим туманным дорогам,
В угасающем, стонущем дне
Мы идем, позабытые Богом,
По угрюмой, колючей стране.
От бушующей в ярости вьюги
Ни тепла, ни спасенья не жди...
Нас пронесит по третьему кругу,
Сколько этих кругов впереди?

* * *

Ненастье в душе и в природе,
Ненастные дни идут вразнобой.
А я, словно не по погоде,
Одета чужою судьбой.
Ни мира в душе нет, ни лада,
Распутица, слякоть, дожди.
Ложится под вечер прохлада
Ознобом тревожным в груди.

* * *

В порыве ярости искомканы слова,
Несется ввысь поземка ледяная.
В глазах бушует неба синева —
Смешались воедино лед и пламя.
Еще немного — и на край земли,
На поиски спасительного зелья.
Еще немного и слова любви
Покинут нас, и мы покинем Землю.

* * *

Затяжные в ненастье дожди
Зарядили, как будто на годы.
Неспокойно, тревожно в груди
В ожидании ясной погоды.

Никуда не сбежишь от дождей,
Льет повсюду, а я на пороге
В ожидании добрых вестей,
В ожидании скорой дороги.

* * *

Вновь бегу от себя, сумасшедшая,
Но бегу в ускользание дня.
Я бегу, ничего не нашедшая,
Кто-нибудь остановит меня?
Я бегу и со мною бегущие —
Вся планета по кругу бежит,
Заметались в кругу отстающие —
Кто поет, кто хрипит, кто блажит.
Я без песен — молчанье заветнее,
Воздух ртом, а душе все больней.
Я бегу, а вокруг — беспросветнее
От губительных нано-идей.

* * *

Когда смута дневная изводит,
Когда тяжким становится вдох,
Сердце болью, отчаяньем сводит,
И не видишь, где Бог, где порог,
Когда светлая даль поманила
В глушь и стала терновым венцом,
Вот тогда просыпается сила,
Что дана от рожденья Творцом.
Вдруг потянет в луга вековые,
Светлой грустью нахлынет покой,
В вышине облака кучевые
Проплывут над спокойной рекой.
Вот тогда я услышу дыханье,
Будто вдох самого Бытия,
Вот тогда я сольюсь с Мирозданьем,
Вот тогда я вдруг вспомню Себя.

* * *

Всего-то — миг на перепутье,
И сразу — темень впереди.
По бездорожью, по распутице,
Как слезы горькие — дожди.
И в эту бездну от отчаянья,
По знаку тайному Судьбы,
Упасть заведомо, нечаянно,
До слез, до боли, до мольбы.
Изведать глубину забвения
После паденья с высоты.
И снова встать. Боль исцеления
Принять как милость от Судьбы.

* * *

Синь какая! И пьянит озон.
А на ветер никакой управы!
Но звенит капельный перезвон,
И детей веселые оравы,
Первые кораблики в ручьи
Опускают, машут вслед руками.
Мы стоим среди детей ничьи,
Как чужие, с умными словами.
Вроде бы серьезный разговор,
В вечном споре: правы иль не правы,
А вокруг весеннее-звонкий ор,
И на ветер никакой управы.
...Мой невольно поправляешь шарф,
И уже неважно: прав, не прав...

* * *

От разлуки до разлуки —
Мимолетность встреч,
И тоски щемящей звуки
Нелегко отсечь.
И в предчувствии знаменья
Обостряю слух.
И пойму как откровенье
Ожиданье двух.
...Боль утихла. И в разлуке
Не страшусь потерь.
И за мной, сомкнувшись руки,
Не закрыли дверь.

РАССТАВАНИЕ

Наверное, это мне ветер принес —
Печальные стуки вагонных колес.
Летят километры, теряясь вдали,
В краю незнакомом, на крае земли.
Ты выйдешь на станции в тихий рассвет,
Я, шорохом трав, помолюсь тебе вслед.
Судьбою прочерчен извилистый путь,
С него не сойти и уже не свернуть.
И в миг наступившей разлуки
Уже ничего не успеть.
В прощальном беспомоществе руки
Не знают, куда себя деть.
И нет в этом поиске лада,
И голос срывается в крик,
И все уже как-то не надо
В прощальный, безудержный миг.
А миг промелькнул и с мольбою
К тебе не прильну поутру.
Как сладить с собой и с судьбою?
...Как зябко одной на ветру.

* * *

А небо, как родник,
Мне душу очищает.
Незримо Светлый Лик
Меня оберегает.
Но наступает миг
На землю возвращаться...
Души безмолвный крик
И... негде причащаться,
Скрывают облака
Изображенье Лица.
Осталась лишь строка,
Что выпала из крика.

СВОЯ ДОРОГА

Иду одна. Пожухлый лист, шурша,
Ложится под ноги. Ищу дорогу...
Кругом туман и ни одна душа
В тиши не поспешит мне на подмогу.
В безмолвии застывшем припаду
К земле родной, когда покинут силы.
И, сил набравшись, вновь искать пойду
Свою дорогу здесь, в России милой.

ВЕЧЕР

Тихо-тихо угасает
Долгий летний день.
Теплый вечер удлиняет
Легких веток тень.
И прохлада оседает
В зелень тихих трав.
Молоко тумана тает
В сумраке дубрав.
Плавно вечер в ночь стекает...
Окунаясь в пруд,
Луч последний догорает —
Тишина вокруг.

* * *

Татьяне Четвертиковой

Вновь дожди, и не спится ночами,
Под тревожный, шафрановый цвет.
Тонкий запах тоски и печали
Истончает осенний букет.

Ниспадает к ногам кружевами
Пыль от лета — осенняя грусть.
Груз забот оседает с годами
Серебром в волосах... Ну и пусть!
Позовут предрассветные дали,
Не погаснет шафрановый цвет.
Вы про осень не все рассказали,
И про дождь не закончен сонет.

* * *

В тумане светит мне окно.
Неужто все предрешено?
И мимо прохожу окна,
Хочу побыть в ночи одна.
Здесь, за туманом, ночь светла,
Хватает лунного тепла.
Но свет в окне погас, не ждет,
Как будто знает наперед:
В тот дом заказаны пути,
В него уже мне не войти.
Та ночь прошла, возврата нет,
А впереди грядет рассвет.
Полоской тоненькой зари
Гори.

ПЕСОЧНОЕ ВРЕМЯ

Горсть песка шуршит в моей руке...
Осторожно пальцы разжимая,
Не построив замка на песке,
Я шуршанью тихому внимаю.
Это время сыпется из рук,

Миллионы лет шуршат и знают,
Что пройдя большой Вселенский круг,
Вновь вернутся, мир наш возрождая.
И песчинкой Время упадет
В пустоту, пульсируя, играя,
Крик младенца с легкостью взорвет
Тишину от края и до края.
А потом... постройки на века,
Мысль, идея, взлеты и паденья...
Все исчезнет в залежах песка —
Для Вселенной это лишь мгновенье.
А песок пульсирует в руке!

* * *

Коль все не так устроено во мне,
Чего я жду в зыбучей тишине?
Секунд песчинки сыплются, шуршат,
И на земле от холода дрожат,
И руки размыкая навсегда,
Дробят, дробят неистово года.
Но что во мне устроено не так?
Кто мне дает условный, тайный знак?
Куда лечу, порвав сцепленье рук?
Куда лечу? За грань своих разлук.
Туда, где стонут души, и где боль,
От слез и пота каменеет соль.
Где боль утрат настигнет невпопад,
Где листопад ворвется в камнепад,
Где будут руки вновь судьбу лепить —
Не отмолить себя, не отмолить.
...Кристаллы соли сыплются шурша,
Болит душа, болит, болит душа...

* * *

После ночи свет забрезжит,
Все будет прежним без меня.
И травы будет тихо нежить
Прохлада дремлющего дня.
И будет мир! Не содрогнется
Густая синь перед зарей,
Но в неизведанном проснется
И искрой Божьей пронесется
Душа над спящею Землей.

* * *

И в шумном дне, и в суете,
Где боль и муки,
В людской привычной маете
Я слышу звуки.
Я слышу их из тишины,
Тяну к ним руки,
Предчувствий, таинства полны
Безмолвья звуки.
Настигнет вдруг чужое зло
Иль боль разлуки,
Мне будет горько и светло —
Я слышу звуки.
Проникну ль в тайны Бытия,
В азы и буки?
Мне нелегко понять себя,
...Стихают звуки.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРИСОВКА

А день прошел... И вечер наступил,
И сумерки стустили запах лета.
Вновь лунный свет округу осветил
Прохладно-желтым, сумеречным светом.
И сразу тишь... И таинства полны
Ночные, потемневшие аллеи.
Там шорохи и звуки тишины,
Там чем-то зябким и ознобным веет...
Стою я у открытого окна,
А влажный воздух свежестью дурманит.
Ночная тишь загадками полна,
Спать не дает и все куда-то манит...

* * *

В разгаре лето... В разнотравье луга
Переплелись, как травы, жизнь и смерть.
Мы начинаем понимать друг друга,
И понимать земную круговерть.
И жизнь шумит, и гомонит снаружи,
Но в этом гуле нам слышны слова,
Которыми глаголят наши души,
Которые слышны едва-едва.
И тишину сквозную не нарушит
Биенье сердца о грудную твердь.
Впервые слышим, как глаголят души,
Впервые в жизни не страшна нам смерть.
...Пройдут века, но разнотравье луга
Все также будет радовать наш взор.
И, может, снова встретим мы друг друга,
И поведем душевный разговор.

* * *

А новый день как новая страница,
Как чистый лист начала Бытия.
Впервые будто, слышу пенье птицы,
И что-то напеваю про себя.
И легок шаг по узенькой тропинке,
И к тонким веткам шепчущих берез
Я прикоснусь. И нежностью травинки
Я заново растрогаюсь до слез.
В разгаре день и новые все лица
Знакомо-незнакомые теперь...
Я заново пишу свою страницу,
Все заново, без тягостных потерь.

ПОЭТУ

Эта боль не подвластна судьбе,
Возвращается снова и снова,
Потому что когда-то в тебе
Зазвучало поэзии Слово.

Лидия ООРЖАК

ЮНОСТЬ

Наивная, словно ищущий матери вымя козленок,
 И вольная, как еще не познавший седла жеребенок,
 Моя чудная юность унеслась далеко уж далеко,
 И машет оттуда сквозь марево лет платком своим легким.

Мои сверстники, с кем я в краю родном росла, расцветая,
 Давно разлетелись, как в выси небесной звездная стая.
 Мальчишка, который впервые меня позвал на свиданье,
 Состарился там, у изгиба реки, терпя ожиданье.

Моя чистая юность, как невеста в фате белоснежной,
 Моя юность, словно резвый скакун Челер-Ой мой мятежный,
 Моя юность, с которой не смогла я совсем распрощаться,
 За горы давно ускакала, так что за ней не угнаться.

Ведь жизнь такова, что нам не ходить уж по пройденным тропкам,
 И звонкие реки не повернутся обратно к истокам.
 Но все же прекрасно, что юности дни полыхают, как пламень,
 Что гостьей души она навещает меня временами.

ХОТЬ Я И ЗНАЮ

Я тебя допоздна дожидаясь,
Образ твой лишь рисуя на оконном стекле.
И от мысли, что зря только маюсь,
Болью сердце пронзило, оно стонет во мгле.

И луна, что взошла запоздало,
Как будто она с душою моей заодно,
На дорогу глядит так печально,
Глаз не спуская, с высот своих светлых на дно.

Хоть я и знаю, что ты не придешь,
Весь вечер я жду и верю — ко мне ты идешь.

ОДИНОЧЕСТВО — ВЕРНЫЙ МОЙ ДРУГ

Сколько можно мне с ним гулять по лугам сероватым
Под тоскливое пение журавля?! Хватит с ним.
Будь моим другом, одиночество, будь моим братом,
Вспоминая о жизни, молча с тобой посидим.

Мы с тобой убежим от взглядов неумных подальше,
Развалюху-избушку натопим — будет тепло,
Под струей своей горькой судьбы стоять будем чаще,
Чтобы души очистить свои, чтоб стало светло.

Друг ты мой — одиночество, будь со мною ты рядом,
С ветерком таким легким ты меня не бросай,
Я тебе граммофон свой старый готова наладить,
Только все же судьбу мою ты до конца разделяй.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ МАМЫ СО ЗВЕЗД

Младшая дочь на спине сверкает глазами...
Щепок для очага — полный подол... Вот такой
Бедную маму свою всегда со слезами
Вижу и помню живую, лишь только живой.

Матери труд бесконечный был твоей долей,
В думках о детях едва ли ты вдоволь спала,
Лишь бы концы с концами свести и не боле --
Львиная доля жизни вот так и прошла.

Мама, заботой теплой своею всечасно
Ты окружала детей и немалый свой род.
Милая мама, души твоей нежная ласка
Греет меня до сих пор и хранит от невзгод.

Вечный твой дар, который баюкая нежно,
Преподнесла ты впервые мне в зимнюю ночь --
Сладкий мотив той песни твоей колыбельной
Слышу с далеких звезд, бабушкой ставшая дочь.

ПЕЧАЛЬ МЕЛОДИИ «УЗУН-ХОЮГ»

Родное село, я снова тебя навестила,
О, сколько дворцов здесь в детстве из глины слепила
И сколько мальков я майкой, как сетью, поймала,
О родина, ты мой запах все тот же узнала.

Поляну мою, где бабочек стаи летали,
Как будто сплошь нежным ковром парчовым устлали!
И речки, где мы до корочек в коже купались,
Сегодня вдруг мелковатыми мне показались.

Так нежно село, когда возвращаюсь, встречает,
Лекарственный запах полыни грудь наполняет.
Хранитель покоя всех предков моих благодатный,
О родной уголочек — ты мой свет беззакатный.

Родители там за чаем сидят малословно...
Скота молодняк все резвится там, на летовье...
Стоянка сестры — Улуг-Хову... парень игривый...
Протяжная грустная песня — душа вся игила...

ЛУЖОК МОЕЙ ПАМЯТИ

Босоногого детства моя деревушка
Разрослась, и теперь уж — большое село.
А подружкам моим, беззаботным девчушкам,
Время в косы их пряди седые вплело.

Стариков своих также в избушке той самой
Так давно навещала, а годы летят.
Те ребята, что были тогда малышами,
Уж созрели, теперь все — невестки, зятья.

Пусть дождями прошли мои юные годы,
Что несли за плечами судьбы узелок,
В колыбели души, несмотря на невзгоды,
Моей памяти все зеленеет лужок!

Переводы Эдуарда Мижита

Мария К У Ж У Г Е Т

НАДЕЖДА

Жизнь в родильном доме идет своим особенным чередом. Это место похоже на совсем другую, отдельную вселенную. Так и должно быть, ведь здесь на свет появляются дети, которые продолжают жизнь на земле, ведь здесь загораются особенным светом глаза матерей, а для множества молодых мамаш открывается новая страница осознания самих себя. А вокруг этого дома всегда ходят отцы, переживающие за своих жен и желающие поскорее увидеть своего новорожденного сына или дочь. И кажется, что этот дом окутан какой-то невидимой силой, которая охраняет и защищает его...

Те, кто рождает своих первенцев, их родные и близкие всегда чего-то боятся, всего остерегаются. Поэтому, когда у меня только чуть-чуть заболела спина, мои родные сразу же привезли меня сюда. И хоть вскоре спина перестала болеть, меня не отпустили домой. «Ваш срок уже подошел», — сказали врачи. Ничего не поделаешь, не спорить же с врачами, и я так и осталась дожидаться родов.

Так я заняла одну из коек в палате ожидания. Как назло, ничего у меня не болело, и я просто так ходила туда-сюда. Оказалось, что очень тяжело находиться здесь и наблюдать за роженицами. Так завидно, когда видишь уже родивших, они так легко и свободно себя чувствуют, они с сияющими на лицах улыбками кормят

грудью своих малышей, всегда полны забот. А как больно смотреть на тех, кто страдает от предродовых схваток, истекающих стонами, плачущих и даже бранящихся! Есть и такие, которые даже начинают ругать врачей. Есть и такие, которые никому никаких хлопот не доставляют.

Рядом с нами в палате ожидания находилась женщина чабанка, старше нас по возрасту. Как-то вечером она вышла из палаты и пропала надолго. Через некоторое время зашла медсестра и сказала: «Ваша тетя разрешилась от бремени. У нее дочка родилась. Удивительно спокойная женщина, ни одного слова жалобы, ни вздоха, ни полвздоха она не издала. Наоборот, она даже давала советы врачам, принимавшим роды. Вот если бы, вы все были такими». Мне кажется, что во время родовых схваток определяется, что это за человек, у кого какой характер. «Тем, кто рождает первый раз, лучше не лежать в палате ожидания. Как же мне вынести свою долю?» — думала я со страхом, наблюдая за всем этим.

Мы, четверо женщин, надолго задержались в палате ожидания. Другие прибывали, но вскоре рожали и переходили в другие палаты. Все мои соседки по палате оказались старше меня. Они тихо переговаривались между собой, делясь воспоминаниями, рассказывая друг другу о разных случаях из своей жизни. Только я лежала тихонько, с внутренним трепетом прислушиваясь к их разговорам. Постепенно я начала приравниваться к их степенности и понемногу успокаиваться. В их разговорах я особо не участвовала, лишь отвечала на вопросы и больше слушала. В один из дней привезли молодую женщину, у которой уже начались родовые схватки. Ее истошные крики сразу же заполнили весь роддом. К тому же она не просто кричала, а приговаривала при этом. А какие страшные слова исходили из ее уст, слышать невозможно! Не хочешь слушать, а все равно слышно.

— Ах, ты падаль кривая! Что ты мучаешь меня?! Я посмотрю, как ты в могиле будешь лежать, раскоряка этакий! Вот увидишь, и твоего новорожденного ребенка брошу туда же, к тебе в могилу! Паршивец лукавый! Где эти врачи?! А вы, бабы, что стоите, как истуканы, не видите, человеку плохо?! — так она ругалась безостановочно. Дальше я уже не могла слышать и спрятала голову под подушку. Даже на замечание главврача она не обратила ни малейшего внимания. Потом женщины рассказывали, что только услышав плач своего новорожденного ребенка, она умолкла и тихо заплакала.

Самая старшая из нас, тетя Билчин, прикрыв дверь палаты, сказала тихим и строгим голосом.

— Слышали, какие страшные слова говорила эта мать. Интересно понимает она смысл слов, исходивших из ее уст? Видно, что она не понимает ценности жизни, ценности детей. Помилуй, боже, хайыракан! Как бы она закричала, если бы ей выпала моя доля?

Заметив, что голос задрожал и стал хрипловатым, она глотнула чая из чашки. Я украдкой заметила, что она тихонько вытерла ладонью навернувшиеся на глаза слезы. Мы все притихли, опасаясь чего-то, и тут тетя Билчин продолжила свой рассказ.

— Не понимаю, девочки, что за напасть такая на мою долю. Я вам говорила, что у меня трое детей. На самом деле их нет, моих бедных детей. Они умерли еще совсем маленькими... причем все трое... Мы, чабаны, все время кочуем с места на место, и чего только с нами не случается. Как-то летом случилось наводнение, и вода начала отделять от нашего аала-стойбища козлят и ягнят, пасущихся на том берегу речушки. Я решила дождаться мужа, когда он пригонит отару к стойбищу, но к вечеру вода вдруг начала прибывать еще сильнее. Стало видно, что молодняк так и останется отрезанным от стойбища. В юрте находились двое моих совсем еще маленьких дочерей: одной — три года, второй — только год. «Кто знает, через сколько дней начнет убывать эта большая вода, что будет с молодняком, что будет с их матерями, с их вымями?!» — с болью подумала я. Я наказала дочерям, чтобы не выходили из юрты, крепко заперла дверь и кое-как перебралась на тот берег реки. Я попыталась перегнать молодняк через реку, но не тут-то было, конечно же, испуганные козлята и ягнята меня не слушались. Тогда я начала хватать некоторых и перебрасывать на тот берег, некоторых — брать на руки и переносить через поток. Так я перевела через реку большую часть молодняка. К тому времени головная часть большой отары начала подходить к стойбищу.

И вдруг, случайно кинув взгляд, я заметила, что мои дочери, взявшись за руки, подошли к берегу! Я крикнула от страха и, жестами указывая им, чтобы они отошли подальше от берега, ринулась в воду. И пока я перебиралась на тот берег, падая под мощным напором потока и снова вставая, почти теряя сознание, я успела заметить, как мои дочери упали с берега и пропали в мутной воде...

Мой муж прискакал, соскочил с лошади, побежал вниз по реке и в некотором отдалении от того места все-таки выловил дочерей. Вытащив детей из воды, мы так и не смогли привести их в чувство, не смогли спасти... Так, взявшись за руки и не отпуская друг друга, они и утонули. Так, из-за скота, я потеряла своих малюток.

После этого что день, что ночь, мне стало одинаково и безразлично. Я стала как тень и не знала, жива я или мертва. Я не один раз хотела наложить на себя руки. Наверно, это и случилось бы, если мужа не было рядом. Только благодаря мужу, только благодаря тому, что он меня успокаивал, уговаривал и наставлял, я понемногу взяла себя в руки. Через год у нас родился мальчик. Тогда я снова начала замечать солнечный свет, вкус еды и ощущать пульс жизни. Юрта наша снова наполнилась жизнью, в ней снова стало тепло. Не осмеливавшиеся до этого даже посмотреть в глаза друг другу, теперь мы начали улыбаться и молча поддерживать друг друга. А как он любил сына! В каждую свободную минутку он брал сына на руки, сажал к себе на колени и ласкал.

Как-то объявили, что в селе состоится собрание чабанов. В то время в нашем аале находились наши младшие братья и сестры, и мы совместно хорошо управлялись с хозяйством. Среди тех, кто приехал с объявлением о собрании, была председатель женсовета. «Почему бы и тебе не поехать на собрание, Билчин, не развеяться, не взбодриться среди народа? Сын ваш тоже немного подрос. В жизни ведь всякое бывает. Вы пережили две большие потери. И с мужем вы хорошо понимаете друг друга. И показатели ваши за этот год очень хорошие. Постарайтесь прибыть на собрание» — стала она уговаривать меня. Мы с мужем посоветовались и решили поехать в село на собрание.

Приехав в село, мы оставили сына в доме старшего брата мужа под присмотром его детей и отправились в клуб на собрание. Благо, что этот дом находился недалеко от клуба. Улучив момент, я даже сбегала туда, чтобы посмотреть, как там мой сын. Он, как ни в чем не бывало, сидел и ел среди своих двоюродных братьев и сестер.

После перерыва собрание длилось недолго, только вручили награды отличившимся чабанам. Среди них и нас наградили сепаратором для изготовления сметаны. Наш старый сепаратор по непонятной причине уже не так хорошо отделял сметану, и мы очень обрадовались этой награде. После вручения наград, начался концерт. Концерт затянулся надолго, и мы с мужем ушли,

не досмотрев его до конца. Пока шли, на душе у меня стало как-то беспокойно, сердце забилось чаще. У дома его брата стояла машина скорой помощи. Не помню, как мы добежали до этого дома... Видим — прямо на земле расстелена белая простыня, на ней лежит наш сын... Врачи и все, кто там был, встревоженно толпились вокруг моего малыша. Что-то черное и страшное накрыло меня, я начала задыхаться, а дальше ничего не помню...

Оказывается, когда малыш заснул, его двоюродные братья и сестры вышли из дома, чтобы не разбудить братишку. Они пошли в маленький домик, стоявший во дворе и там заигрались в шашки. А мой бедный сыночек тем временем проснулся и в поисках братьев и сестер пошел в сторону коровника. Он же с рождения жил среди скота, вот по привычке, видать, его туда и потянуло. А там было глубокое железное корыто с водой для коров. Оказывается, мой малыш упал в это корыто вниз головой, да так и не смог выбраться. И все. Так мы из-за этого собрания чабанов потеряли своего любимого сыночка.

После смерти сына мой муж на глазах почернел и похудел от горя. Если после смерти двух дочерей я была похожа на живой труп, то теперь мой бедный муж стал таким. А я, наоборот, всем бедам назло стала намного тверже и сильнее. Теперь я все делала, чтобы успокоить и хоть немного отвлечь его, говорила, что надо жить и бороться всем несчастьям вопреки, что мы не так уж и постарели. Так понемногу он пришел в себя. Вот теперь, когда время родов только начало подходить, муж раньше времени заставил меня приехать сюда. Мы за всю свою жизнь не то что людям, но даже скоту и другим животным не причинили зла. Если есть Бог, то, наверно, он все видит. И я верю, что теперь-то уж все у нас будет как надо, и у нас будут дети, и они уже не покинут нас. Да, конечно же, те мои дети, которых уже не стало, все равно живут в моем сердце, и поэтому я говорю, что у нас трое детей.

О боже, как жалка эта молодая, которая так ужасно кричала. Как бы она закричала, если бы ей выпала моя доля? Помилуй, боже, хайыракан!

Такими словами закончив свой рассказ, тетя Билчин, казалось, вдруг вздрогнула. Я не смела даже взглянуть на нее.

— Позови, пожалуйста, врача, дуңмам,¹ — сказала она мне и, взявшись за спину, осторожно встала.

¹ Дуңмам — обращение к младшему по возрасту.

Вскоре ее увели в родильную палату. Мы все, позабыв о самих себе, желали, чтобы тетя Билчин благополучно родила, и начали ждать в надежде, что все ее мечты сбудутся. И, как ответ на наше ожидание, крик новорожденного заполнил весь родильный дом...

Жизнь в родильном доме шла своим особенным чередом. Это место похоже на совсем другую, отдельную вселенную. Так и должно быть, ведь здесь, как на перекрестке дорог, встречаются главные священные опоры жизни — вера, надежда, любовь.

Перевод Эдуарда МИЖИТА

Март-оол ХОВАЛЫГ

ДОБРО

*Посвящаю своему близкому другу,
моему ангелу-хранителю Ирине Деवляшовой*

Бывает дни, когда хочется опустить руки и сдаться злу, которое наваливается на тебя частями со всех сторон: несправедливостью людской, которая косится тупой завистью, неудачами по жизни, которые подходят исподтишка, недовольством окружающих, устраивающим бешеные атаки. Хочется сдаться и просто думать только о себе, обижаясь на весь мир. Напиться хотя бы. Напиться до бесчувственного состояния, как делали простой русский мужик или простой тувинский мужик, которые, совершив добро ради своих близких, и поняв, что добро никогда сразу не вознаграждается, идут и напиваются. На Руси всегда так было: несет мужик бремя несправедливости, несет себе, не жалуясь. Потом возьмет и, ни с кем не делаясь своими бедами, просто напьется. Зло всегда побеждает. Это только в сказках добро побеждает.

Хотя, есть все-таки одно добро, которое никогда не унывает и поддерживает всех сырых и несчастных, которое всегда трудится

денно и ночью, чтобы облегчить страдания все того же мужика, который не знает, где искать правду. До Бога высоко, а до царя далеко же. Есть добро, и оно находится рядом с нами, под боком. Это удивительные женщины нашей многострадальной земли: русские и тувинские женщины. Да что их делить? Можно сказать, российские женщины. Женщины, про которых статисты Гитлера докладывали ему: «Эту страну не победить, потому что девяносто процентов женщин в возрасте двадцати лет, увозимых в рабство в Германию, оказались девственницами». Про мужиков много можно сказать лестных слов, что, дескать, есть такие-то герои, или выдающиеся руководители, или священники, сотворившие много добрых дел. Но среди них все равно не найдется ни одного мужика, который бы так безоглядно, бескорыстно совершал бы добро, как наши женщины. Я не перестаю удивляться тому, когда слышу, что там, где-нибудь в глуши российской деревни, есть бабка, которая бесплатно, безропотно исцеляет больных, помогая всем, кому нужна помощь.

Это было в начале девяностых, когда страна валялась на руинах коммунизма и покорно слушала обещания Ельцина о светлом капиталистическом будущем. Люди бедствовали. Голодали целыми семьями, хотя дружественная Америка кормила нас своими начиненными ГМО продуктами, утешая нас, что вот скоро все наладится. Народ верил и работал, не понимая, что они страдают ради сладкой жизни будущих богачей. Верили, что они разбогатеют и заживут, как в фильмах, показанных все той же Америкой, не понимая, что они страдают только за то, чтобы всякие абрамовичи покупали яхты за триста миллиардов долларов.

Человек шесть, собрав крохи наших средств на дорожные расходы, поехали в одну из дальних деревень, услышав, что там есть бабка, которая исцеляет и помогает тем, кто нуждается в помощи. Мы надеялись вылечиться у нее от хвори, от нищеты. Люди говаривали, что эта простая женщина никому не отказывает и что у нее обязательно получается. Ехали долго, по дороге на различных постах доблестного ГАИ нас неоднократно останавливали, проверяя, словно мы чеченские террористы, едущие взрывать Москву. Водитель пускался в только ему ведомые хитрости общения с этими неприступными стражами никому непонятной цитадели. К счастью, в тот раз нас не оштрафовали, хотя шансов это сделать у жадных на эту процедуру стражей порядка на дорогах было много.

Приехали в нужную деревню вечером. Там уже была очередь из машин около дома бабки. Мы приуныли, предполагая, что придется ночевать на машине, потому что каждый, имеющий печальный опыт длительного ожидания в очереди к какому-нибудь чиновнику, подумал, что здесь будет то же самое. К нашему удивлению, разведка из нашей машины, отправленная к впереди стоящей машине, вернувшись, доложила, дескать, говорят, что какой бы длинной ни была очередь, бабка всех успевает принять до вечерней зари, что она мзду не берет, так что хватит брэнчать своей мелочью, скупое ее перебирая. Кто-то на задних сиденьях вздохнул: «Правду говорят, бабка такая! Божий одуванчик! Ангел!». «Зачем она денег-то не берет?» — поинтересовался сидящий на переднем сидении молодой парень. «В рай, может, хочет попасть?» — предположил мужик сзади. «Да ну на хрен! Мне бы только на этом свете пожить по-людски!» — скалился молодой. «И то правда! — еще раз вздохнула пожилая женщина, страдающая от паралича, — только бы еды и одежды было вдоволь». С нами была еще молодая девушка лет двадцати и женщина средних лет. Она все время держала при себе большой пакет, наполненный гостинцами для бабки. «Денег, может, она не берет, но негоже с пустыми руками заходить к человеку. Она, сказывали, гостинцы берет, а потом их в церковь относит», — шептала женщина громко.

В то время я страдал от травмы головы, полученной на стройке. Надеялся, что травму, которая оказалась не по зубам современным врачам, одолеет чудодейственная сила таинственной старухи. После падения со второго этажа строящегося объекта я месяца два провалялся в больнице и еле очухался. Начальник строительной организации был в ярости, узнав об отсутствии ограждений на открытых участках объекта. Уволил прораба. Получив солидный штраф за неорганизованную работу по охране труда, он все-таки увильнул от уголовной ответственности. А после моего выхода на работу он все устроил так, что я вынужден был уволиться по собственному желанию.

Мы быстро приближались к своей цели. Вереница машин, действительно, быстро таяла. Вечерело.

И тут, наконец, наша очередь как-то незаметно и шустро подошла, словно внезапный свет прожектора в фильмах про войну. Мы хотели войти по одному, как к зубному врачу, пытаясь скрыть друг от друга свои беды и болячки, но женщина настояла на своем: «Нет

такой возможности: принимать по человеку, народу шибко много, надо всем успеть помочь, так что давайте все вместе заходите, если с одной машины?», — сказано было ею тому, кто вошел первым. И мы вошли все вместе, гурьбой. Каково же было наше удивление, когда вошедши, мы увидели маленькую избушку, а в ней — усталую женщину, наподобие бабушки с Простоквашино. Потертый сарафан, добрый и пронизательный взгляд. Мы поздоровались и расселись вдоль лавки в прихожей, перед большой русской печкой. Женщина, не медля, начала расспрашивать первого.

Мужик, сидевший на заднем сидении машины, начал жаловаться, но женщина вдруг перебила его: «Пьешь много, зачем?» Мужик замешкался, потом пробубнил что-то насчет несправедливости. «Ага! Добро совершаешь, а награды нет! Так?» Мужик: «Ну, в общем да!» — процедил мужик. «Ты, добрый человек, от добра добро не ищи. Бог сам пострадал от несправедливости, но людей простил. А терпеть ему пришлось похлеще твоего. Ты пить сначала бросай, вон у тебя печень раздулась. Я попробую полечить, но если пить не бросишь, то помочь тебе будет невозможно». Бабка начала гладить руками живот мужика, что-то приговаривая. Тихо, так что я ничего не мог разобрать. После этого она дала мужику какую-то траву, сказав: «Теперь будет получше, а это пей по утрам натошак. И бросай пить. Не ищи правду, будь добр к семье, увидишь: все будет нормально».

Следующей была женщина с пакетом. Бабка к пакету не дотронулась, но сказала: «Хорошо! Завтра в церковь отнесу. Вы бы лучше детишкам покупали это. Им витамины нужнее. Говорю же людям, так несут и несут. И деньги суют. Не надо, денег-то». Бабка женщину полечила и тоже травки дала. Потом с параличом женщины очередь дошла. Бабка долго ее щупала, лечила, молилась. Наконец сказала: «Поздновато ты приехала, милая. Но ничо! Ничо! Поживешь еще. И зима сносно пройдет. Я все возможное сделала. С Божьей помощью все обойдется».

Когда подошла очередь молоденькой девушки. Бабка как-то странно посмотрела на нее, потом приказала ей лечь. Долго гладила ей живот и сказала: «Теперь родишь, ребеночек у тебя там. Аборт не делай! Нельзя!» С состраданием посмотрела на девушку и отпустила. Девушка удивленно таращилась и, осмелев, спросила: «Я на боль в ногах жалуюсь..» Бабка: «Это пустяки! Боты надень теплые. Дома тапочки надевай. Босиком по холодному полу-то неча ходить!»

Молодому парню бабка ничего особенного не сказала. Только дала какого-то снадобья и тихо сказала: «Бушь пить, спокойнее будешь. Постарайся на рожон не лезть. Помолюсь за тебя». Парень разочарованно удалился, хотя из предыдущих посетителей никто еще не вышел.

Подошла и моя очередь: я с волнением к ней подошел. Пахло от нее полевыми цветами. «А ты на что жалуешься, милоч?» Я увидел ее глаза совсем рядом: они были чуть задорнее на этот раз. «У всех сразу все угадала, а про меня у самого спрашивает», — обиженно подумал я про себя. «Да вот! Упал я с высоты. Травма в голове», — объяснил я ей. «Ну ладно! Садись вот сюда», — показала на выдавшую виды табуретку. Бывают такие табуретки в избушках: округлые от частого сидения, блестящие, несмотря на то, что их давно не красили. И зазубрины там, то ли от ударов топором, то ли ножом. Непонятные. Старая табуретка. Я сел. «Как тебя зовут?» — спросила женщина. Я назвал свое имя. Женщина погладила меня по голове. Гладила, гладила и вдруг начала шептать мне на ухо: «Пресвятая Богородица! Сын Божий Иисусе! Нашему мирскому человеку (тут она назвала мое имя) помоги! Дайте поправиться ему, ибо раб Божий за добро ратует и за доброе дело пострадал. Прости, господи прегрешения ему и силы дай для свершения добрых дел!» Бабка еще несколько слов молитвы добавила, но, к сожалению, я их уже не разобрал. Легко мне стало как-то, вроде голова чуть закружилась. «Не бойся! Добрый ты человек. Грехов больших не совершал, но есть маленькие недостатки. Все обойдется. Я почистила твой организм. Запомни! Добро побеждает зло. Неправду говорят, что зло побеждает. Зло, может, иногда на земле свирепствует, но на небесах оно проигрывает. Обрати захочешь приехать. Но не встретимся мы больше. Иди с миром!» Я тогда не понял значения ее последних слов. Даже немножко обиделся, подумав, что она отказывается меня вторично принимать.

Уехали мы. А к бабке уже следующая машина заходила. По дороге все молчали. Особенно молчалив был молодой.

Начиная с этого дня головные боли как-то потихоньку перестали меня беспокоить. Я перестал пить противный мне пиррацетам, постепенно забыл дорогу к врачу. Через год я вообще забыл про болезнь. Молодая девушка родила дочку, потом вышла замуж, а еще через три года погибла в автокатастрофе, оставив мужу прекрасную дочку. Говорят, парень даже не женился вторично. Дочку обожал

неимоверно. Тетка с параличом жива до сих пор, а мужик перестал пить, растолстел, повеселел. Проезжая мимо автомастерской, где он работает, часто можно услышать его громкий хохот. Молодой парень неожиданно покончил с собой. Произошло это через пять лет после посещения бабки. Что у него там не заладилось, не знаю. Женщина с пакетом неожиданно разбогатела. Хотя богатством она не кичилась. Раза два видел я ее на благотворительных марафонах. Взносы делала солидные. Лет через пять я все-таки вспомнил про бабуку, решил поехать обратно, как-то поблагодарить ее нормально. Варенья, орехов отвезти. «Не захочет брать, так хотя бы соседей побалует», — подумал я. Но не тут то было. Оказывается, померла она. Вот какое дело. А ведь как в воду глядела, что я захочу вернуться.

ЖЕСТОКОСТЬ

Вечером, после работы, Виктор пришел домой. Дома его никто не ждал. Виктор был человек холостой, одинокий. Приходя домой, Виктор жаждал отдыха, предвкушая скромный ужин и тихий вечерок у телевизора. Его маленький домик находился на окраине маленького городка. Работал Виктор в одной очень продвинутой конторе, которая специализируется в области образования. Сотрудники конторы — люди разные: это и нагловатые карьеристы, мягкие идеалисты, которые тоскуют по поводу и без, хваткие реалисты, вечно оптимистичные и доброжелательные, а порой и хитроумные хамелеоны, улаживающие свои не совсем праведные дела. Но, несмотря на разницу в характерах, коллеги Виктора были людьми добрыми, отзывчивыми. Был даже случай, когда Виктор заболел, а его товарищи по работе прислали продукты, медикаменты. И себя Виктор считал человеком добрым. Вот сейчас он пришел домой и сразу же начал искать пса, которого он накануне подобрал на улице. Пес был до неприличия неказистый, типичная дворняжка. Маленького роста, даже шерсть у него была до того неприглядной, что человеку, решившему его приютить, становилось как-то стыдно что ли... Ведь любить, жалеть, сострадать удобнее, если жертва хотя бы выглядит красиво. Люди считают, что жалеть уродливых неприлично. Но Виктор решил быть не таким: пожалеть, так пожалеть, и взял пса к себе домой, накормил и, уходя на работу, оставил его дома. И вот сейчас, вернувшись домой,

парень обнаружил, что его новоиспеченный питомец не очень-то и благодарен за его доброту. Во-первых, пес изгадил всю кухню. Свежие и довольно жирные собачьи какашки были уложены аккуратными сдобными булочками то там, под столом, то здесь, за дверью. К тому же собака в клочья разорвала справочник, которым в последнее время пользовался Виктор. Увидев разруху в своей всегда прибранной маленькой и уютной квартирке, Виктор заметил, что в душе блаженная доброта постепенно меняется на тихую ненависть.

Что такое доброта? Сколько она стоит и сколько стоит жестокость? Об этом Виктор думал очень много. Он считал, что человек должен быть добрым, за что Бог его награждает. Но часто быть добрым было очень трудно, а порой почти невозможно. Вот и сегодня на работе, когда объявляли результаты ЕГЭ, Виктору стало не по себе. Образ той девочки, у которой он отобрал телефон на экзамене, и которая все время плакала, не покидал его. Стояло перед глазами ее заплаканное лицо. Нет! Она плакала не истерично, панически. Она плакала тихо, со страданием. После экзамена ЕГЭ Виктор как-то пожалел что ли, что отобрал у нее телефон. Но от них же требовали следить за порядком, это была часть их работы. Не мог он не отобрать телефон у той девочки. И коллеги Виктора молча поддержали его. И вот Виктор как угорелый побежал смотреть результаты ЕГЭ. Напротив имени той девочки стояла двойка...

Виктор не без брезгливости начал убирать собачий помет. Потом убрал разбросанные клочки разорванной книжки. Все же, выдержав экзамен на доброту, Виктор не выбросил собаку на улицу. Доброта должна восторжествовать, считал молодой человек. Потом был ужин, интересный фильм по телевизору. Виктору удалось посмотреть даже два фильма. Утром, придя на работу, Виктор услышал шокирующую новость: в той школе, где инспектировали Виктор и его добрые коллеги, случился суицид. Это покончила с собой та девочка...

ПРОСТО НАДЯ

Посвящается моему другу, Ирине Девляшовой

Это была просто Надя. Все ее так называли: и на работе, и дома. Надя была удивительно простой, но в то же время загадочной. Умела

молчать, когда надо. Умела веселиться и веселить. Окружавшие ее люди чувствовали тихую радость от общества Нади. Радовались чистоте, которую она умела наводить на удивление быстро, наслаждались ее шуткам, смешным и жизнерадостным. Каждый свой день Надя начинала с того, что отводила дочь в садик, потом отпраиваялась на работу, в один из НИИ в центре города. Сотрудники всегда встречали ее радостно. Невозможно было не радоваться, видя эту опрятную и приветливую девушку. На работе Надя успевала не только справиться со своей работой, но и помогать остальным. До обеда Надя ставила чайник, и пышные пирожки или аппетитные печенья у нее водились постоянно. Если на часто проводимых корпоративах Надя по каким-то причинам отсутствовала, то коллектив НИИ сиротел. Апатично звучали бокалы, гуляние превращалось в обычную пьянку.

В Надькином доме любили собираться родственники. Однажды на Новый год, Надя накрыла особенно богатый стол, как-то: фаршированные голубцы, пирог из рыбы, привезенной накануне из Тоджи, торты домашней выпечки, салаты, экзотичные фрукты, сладости и, конечно, пирожки, которые умела готовить такими только Надька. Надины родственники собрались и гуляли до утра. Пели песни на стихи Есенина, под утро катались на катке, построенном во дворе, окруженном пятиэтажками. Первого января гости начали расходиться. И вдруг брат Нади увидел, как Надя привела в дом каких-то бомжей, и начала угощать их почти нетронутыми остатками угощений. «Ты что делаешь, Натка? — взмолился брат. — Ты забыла, что на дворе кризис. Ты не миллионы получаешь. Могла бы сэкономить на этих продуктах!» Сестра странно посмотрела на брата и тихо сказала: «А помнишь, Серега, как мы голодали в детстве? Как я у тети лишний кусок воровала, чтобы тебя накормить? А утром она находила твой недоеденный кусок в постели и ругала нас?» Брат парировал: «Ну и что? Теперь другая ситуация, эти люди сами опустились, почему мы их должны кормить?» Посидев в задумчивости, Надя начала рассказывать: «Знаешь, братишка! Однажды один человек пригласил к себе в гости Бога. Тот согласился прийти на следующий день. Человек накрыл стол и стал ждать Бога. Проходило время, а Бога нет. И тут неожиданно в окно постучал какой-то нищий старик. Человек прогнал его, сказав, что ждет гостя. В этот день к человеку приходили еще старушка, потом странник какой-то. Никого не пустил человек,

желая сохранить богато накрытый стол для Бога. Не пришел Он, до позднего вечера ждал Его человек. Ночью, выйдя на крыльцо дома, человек сказал в сердцах, глядя в небо: «Зачем Ты обманул меня!» И тут Он ответил ему: «Я к тебе три раза приходил, ты меня не пустил...».

Надя и Сережа очень рано осиротели. Родственники на похоронах матери долго спорили, что делать с ними. В конце концов, тетя решила взять их к себе. Родственники по отцовской линии долго не хотели их отдавать этой тете. Но тетя и ее окружение настояли на своем. Так дети оказались в другом селе, в совершенно другом окружении. Тетя и Надин брат не поладили с самого начала. Тетя считала, что Сережа слишком ленив, неопрятен и непослушен. Пошли упреки, недовольства. Дело начало доходить до рукоприкладства. Надя заступалась за брата. Она хоть и видела, что брат действительно был не собран, любил часами слушать музыку, не любил убираться, бросал вещи, где попало, все равно старалась оградить брата. С началом каникул брат уходил к родственникам отца, бродяжничал. А Надя оставалась у тети и продолжала выполнять обязанности по дому: с утра до вечера хлопотала по хозяйству. В отсутствие брата отношение тети и ее родственников к Наде было хорошее, но девочка тосковала по брату. Никто не замечал ее тоски. Она не показывала, что ей грустно. С самого детства в ее характере было скрывать собственные неприятности в глубине души, не позволяя кому-либо сопереживать. Девочка удивительным образом дарила окружающим только приятное. В школе ее называли просто Надей. В старших классах все начали ходить на дискотеки, свидания, а Надя ходила только на тематические вечера, да и там допоздна не задерживалась. А после окончания школы сразу же поступила в институт, после чего на пять лет пропала из поля зрения знакомых. Летом она забирала к себе, в один из российских городов, где она училась, своего брата.

Мне довелось увидеть их после того, когда Надя окончила институт и начала работать в нашем городишке. Она устроилась в НИИ, потом получила квартиру, как самый лучший работник института. Брата она устроила в местное училище, которое тот худо-бедно окончил. Потом Сережа женился, родил двух сыновей. А сама Надя тоже вышла замуж, родила дочь. Жизнь налаживалась, появились родственники, друзья. Работали, любили, веселились, страдали, надеялись, верили. В общем жизнь вроде повернулась

к ним светлой стороной. Но судьба-злодейка, видимо, или решила пошутить над братом и сестрой, или так у них на роду написано было: любимый человек Нади трагически погиб. Это случилось поздней осенью, когда шел снег. В один из вечеров в Надину дверь постучали, и когда она открыла, ей сказали, что ее муж сидит у дверей подъезда. Оказалось, что муж немного не дошел до подъезда, грабители хотели снять с него одежду, но он, видимо, не дался так просто. Завязалась драка, и молодого человека пырнули ножом. И у Сережи неладно складывалась судьба: жена его оказалась человеком непростым, расчетливым. Мужа кормила плохо, так что Серега часто прибегал покушать к сестре. Однажды Серега пришел к сестре пьяный поздней ночью, и они молча просидели остаток ночи. Только слышалось сопение Сережи. Через 3 года Сережа умер во сне, как мать. Уснул и не проснулся. Когда его хоронили, его жена не плакала, у нее было каменное лицо, плакала только дочь Нади. После похорон брата Надя резко изменилась: перестала смеяться, больше уединялась у себя в комнате. Друзья и знакомые старались ее утешить, но она всегда говорила, что все нормально и улыбалась. К тому же времена изменились, люди все больше разъединялись, так что изменение Нади заметили разве что самые близкие, а для остальных она все же оставалась просто Надей, потому люди не подозревали, что у этой простенькой Нади есть какие-то печали. Однажды Надя мне говорила: «Надлом бывает только у тех, кто живет правильно». Не знаю: может, оно так и есть...

СТРАХ

Шел второй раунд боксерского поединка. Соревновались учащиеся маленького городка. Помещение зала училища было забито до отказа. В передних рядах, слева от судейского стола, сидел человек в потертой кепке. Было видно, что он сильно нервничал. Еще бы! Ведь там, на ринге, дрался его сын, ученик 5-го класса. Худенький мальчик. Сын дрался достойно, но мальчику было тяжело — соперник наносил мощные удары. Отец еще в первом раунде заметил, что сын после серии мощных ударов начал побаиваться. В перерыве между раундами мужчина хотел подойти и как-то помочь, то ли советами, то ли присутствием, но тренер мальчика

посмотрел на него и сказал: «Все нормально! Он осилит...» Отец вернулся на свое место и продолжал нервничать, ерзал. В общем не находил себе места. Бой продолжался. В какой-то момент мужчине показалось, что началось откровенное избиение его мальчика. «Только бы он не сломался...», — подумал мужчина. Что значит сломаться? Он никогда не пугал своего сына, хотел, чтобы он вырос настоящим мужчиной. Отец понимал, что значит расти запуганным, забитым. В детстве его родители разошлись, а через 5 лет мама снова вышла замуж, но неудачно. Придурок попался. Деспот. Вот тогда-то и узнал он, что такое постоянный страх. Один раз отчим его так избил, что даже взрослые такое видят только в кошмарах. После этого в нем на всю жизнь поселился страх. Страх жил в нем постоянно, терроризируя его, мешая раскрыться в жизни: в играх, в спорте, даже в любви... Наверно, поэтому у них с женой что-то не заладилось. Жили как-то не так. Скандалы. Порой он думал, что это рок какой-то, наследие. Когда жена была беременна, тоже ругались. Мужчина чувствовал, что это как-то отразилось на сыне. Сын, несмотря на то, что отец никогда его не пугал, все равно рос робким, боязливым. «Все-таки в утробе матери чувствовал страх матери», — думал мужчина... Раунд продолжался. Сын все время старался укрыться, мало наносил удары, а соперник неистовствовал, бил уже смело. «Зас..нец!» — сжимая кулаки, думал про себя мужчина. С ним в детстве было так: в школе ребята, чувствуя его страх, постоянно били его, унижали, заставляли чувствовать себя второстепенным. Ох! Такова Россия! Со своим домостроем, деспотизмом, высокомерием сильных мира сего. В России по-прежнему так: слабый всегда виноват. В конце третьего раунда сына нокаутировали... Отец, не помня себя, побежал... Он потом смутно помнил: как обнимал сына, утешая, говоря: «Все нормально! Это всего лишь игра...»

Через неделю в спортзале тренер, проводя очередное занятие, увидел, как робко вошел мальчик. «Проходи, переодевайся!» — коротко сказал тренер. И тут только заметил, что вслед за мальчиком вошел его отец.

Кызыл-Эник К У Д А Ж Ы

УЛУГ-ХЕМ НЕУГОМОННЫЙ

Золотой том

Книга вторая. Главы из книги

22 ИЮНЯ 1941-ГО

Бывший секретарь партийного комитета сумона, ныне заместитель председателя Улуг-Хемского хошуна Шивит-Доржу примчался вихрем, подняв скакуна на дыбы возле двери юрты председателя Ийи-Тала Хойтпак-оола. Соскочив с лошади, он, захлебываясь, выпил ковш холодной воды и, не поздоровавшись с хозяевами, выпалил:

— Война!

Хойтпак-оол, выглянув из юрты, удивился:

— С кем война?

Грудь Шивит-Доржу вздымалась. Он загнал коня — с боков животного катила пена, и сам взмок, как суслик, которого прямо в норе облили водой, и запыхался так, что не мог говорить.

По обычаю гость сначала должен степенно поздороваться, потом пройти в юрту, выпить чаю, поговорить, но в этот раз все добрые обычаи были нарушены.

— Война! Керманские фашисты напали на СССР!

Хозяйка юрты, супруга председателя, Баазан встревожилась, загремела посудой, причитая:

— Что теперь с нами будет?..

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Весть об этом, как молния, облетела всю Туву до обеда. В хошунные центры сообщение было передано по радио и телефону. В сумоны спешно выехали гонцы.

В Ийи-Тале соседи собрались сразу. Покашливая на ходу, пришел и секретарь партийного комитета Ийи-Тальского сумона Ногаан-оол. Не успели чай сварить, как прибыли всадники из местечек Устуу-Суг и Алдыы-Суг Чээнека. Указание им было кратким: тотчас собрать жителей аалов, находящихся на летних пастбищах в Чээнеке, Каькты, Кулузуне. После их собрания руководители поедут к чабанам сумонов на Оден-Шоле и Бижээчи.

Парни выехали обратно с шумом и криком, облаиваемые собаками аалов, распугивая скот:

— Война! Война! Все жители аалов, все направляйтесь в Устуу-Суг! Собрание, собрание! Хурал, хурал!

К тому времени давно уже разорили монастыри, не было ни бурээ-бушкууров¹, ни шан-кенгирге², но способы оповещения нашлись: в местечке Алдыы-Суг из одной из юрт послышались звонкие удары по медному kazanу, к ним присоединились звуки медных тарелок, кто-то выстрелил из ружья, кто-то просто поднял крик. К посланникам присоединялись посланники, к гонцам — гонцы...

Война.

Одно слово перевернуло весь тувинский мир. Кажется, за один миг маленький ребенок повзрослел, а вода Улуг-Хема остановилась.

Лето в полном разгаре. Белый тополиный пух летит, словно первый снег. Цветы вокруг, ягоды поспевают. Аалы перекочевали на чайлаги.

Был благоприятным тот год. В устье реки зеленела густая пшеница. Как любят сравнивать тувинские писатели, стада на лугах, в степях, горах были схожи с белым ааржы. Говорят, скот — драгоценный гость. И здесь нет преувеличения. Кто может сказать красноречивее?

¹ духовой музыкальный инструмент.

² ударный музыкальный инструмент.

«Араты! Увеличим поголовье скота до двух миллионов к 20-летию со дня образования Тувинской Народной Республики!».

Юбилей приближался, до знаменательного дня осталось всего два месяца. Всего шаг, подошло время подвести итоги. Араты ждали, готовясь к празднику, большому Надыму: будет ли на нем названа заветная цифра, которая вот уже несколько лет не сходит с уст людей, со страниц газет?

История внезапно все изменила: когда идет война, считают не поголовье скота, а головы людей. Вот как все обернулось, вот он, большой праздник, планы о двухмиллионном поголовье... Война.

Все события, все более-менее значимые изменения семьей Сульдемов всегда заставляли в Чээнеке. Здесь старик Сульдем повстречался с Мангыром чейзенем. На Кобдинскую войну он отправился из Чээнека. Буян ушел отсюда батрачить к Севээн-Орусу. К Белой Таре и Зеленой Таре в Монголию Буян и Анай-Кара совершили паломничество из Чээнека. Нынче аал Соскаров, чаще называемый в народе аалом Сульдема, встречает в Чээнеке не большой праздник, а большую войну.

В аале заведено раз и навсегда: на чайлаг едут только старики, маленькие дети, смотрящие за скотом люди. Сам вместе с другими мужчинами остается в Кулузун-Аксы: поливать поля, расчищать их от сорняка, пропалывать и поливать овощи, заготавливать корма, подправить зимний загон. Работы мужской, тяжелой много.

Старик Сульдем с женой с давних пор лето проводили на чайлаге Алдыбы-Суг. Весь скот Соскара тут, и юрта стариков установлена на привычном месте. Рядом с ними поселилась Анай-Кара с детьми, из них лишь возмужавший Чолдак-Ой остался с дядей Соскаром в Кулузун-Аксы. Ончатпаа раньше лето проводила в местечке Устуу-Суг, потому что когда-то в Алдыбы-Суге повздорила с Буяном из-за своих безрогих коров пестрой масти. Теперь, когда перевезли старых родителей, а распри забылись, она проводит лето со всеми родственниками в аале нестигаемого борца за мировую революцию.

Дом в местечке Устуу-Суг, где когда-то баянкольские русские варили чыдыг-кара³, мастерили сани, хомуты, отдали сумонному правлению. Теперь здесь все оборудовано для службы и народных собраний.

³ Смола (тув.).

Чымчак-Сарыг, собрав детей помладше и внуков возле себя, возится с ними, играет, будто с козлятами. Саванды обычно юрту ставит чуть поодаль, рядом с двумя лиственницами, чайник обнимает в тени, то ли нездоровится ему, то ли мечтает. Саванды только Дарган-Хаа, с которым подружился еще во времена маньчжурских китайцев, к себе подпускает, и то, видимо, лишь потому, что тот тоже многодетный. Иногда дети надоедают Саванды, и он сбегает от них на вершину Чээнека к шалашу отшельника Дарган-Хаа. Там вдвоем они спокойно беседуют: Саванды рассказывает байки, а охотник слушает, уши развесил.

Рядом с юртой Саванды установлена бедная юрта жены Дарган-Хаа Чочай. Сам из своего шалаша появляется лишь изредка, но единственная его лошаденка тогда обычно так нагружена вяленным мясом, сушеными лекарственными травами и корешками, новой хозяйственной утварью, что еле везет. Сгружают у юрты деревянную посуду, ступки всякие с пестиками, кожемялки, седла для волов и лошадей, кованые щипцы, крюки, ножницы, таганы, лопаты, топоры, серебряные огнива, миски, чашки и курительные трубки, кольца, браслеты, чавага⁴, серьги...

Аал Соскара в хозяйственных своих традиция изрядно обрусел: среди юрт квохчут куры, на лугу у берега в траве копаются свиньи.

Когда гонцы с вестью о начале войны примчались в аал, Хойлаар-оол был дома. Лиза, услышав о беде, разрыдалась. Сколько бы она ни прожила в Туве, как бы ни привыкла к местным обычаям, а кровь в ней течет русская. Елизавета Николаевна повзрослела, хозяйка, имеет семью, детей, женским сердцем понимает, какое горе обрушилось на Россию.

Под звон железных тарелок и котлов, крики и плач всадники объезжали юрты, не спешиваясь, объявляли:

— Война! Война! Все араты должны собраться в местечке Устуу-Суге. Собрание, собрание!

Отдыхавшие в юртах мужчины, женщины, молодежь садились на лошадей и скакали в остальные аалы:

— Война! Война!

Безлошадный Саванды, охнув, первым опрометью помчался по дороге в сторону Устуу-Суг. За ним устремились всадники и пешие, даже маленьких детей не оставили в юртах. Лишь старик Сульдем, не понаслышке знающий, что такое война, остался дома с женой Кежикмой.

⁴ Накосное украшение (тув.)

Хойлаар-оол тоже оседлал коня и поскакал, но в противоположную сторону, к Кулузун-Аксы, чтобы передать тревожную вест Соскару.

Соскар, с мужиками проводивший канаву от основного канала для полива поля, издали заметил брата на дороге, и сердце его ухнуло вниз от предчувствия беды — не с отцом ли что?

— Скорее седлайте коней! Война!

— С кем?

— Не знаю. На собрании скажут!

Не закрыв маленькую канавку, Соскар и остальные взлетели на коней и, даже не заехав в аал, помчались так, что камешки летели из-под копыт. По дороге Хойлаар-оол рассказал, что слышал от людей:

— Напали на Советский Союз. Из хошуна приехал Шивит-Доржу, он все объяснит. Все уже, наверное, там.

Они подъехали к месту, откуда был виден Чээнек. Вдоль всей дороги, ведущей туда, поднимались клубы пыли, слышался топот копыт.

Вокруг навеса, крытого березовыми ветками с листьями, под которым ранее в местечке Устуу-Суг с удобством располагалась летняя школа, толпилось множество народу, а араты все подходили и подъезжали. С этого лета под навесом проходили лишь собрания, поскольку в центре сумона было построено новое здание начальной школы. Сейчас народ скучился в тени, кто-то сидел, кто-то стоял, кто-то ждал прямо в седле. Слышался негромкий говор.

Председатель Ийи-Тальского сумона Хойтпак-оол, нарушив все формальности, сразу же предоставил слово заместителю председателя правления Улуг-Хемского хошуна Шивит-Доржу.

— Товарищи! Сегодня, 22 июня 1941 года, в четыре часа утра, без объявления войны, фашистская Германия вероломно напала на великий Советский Союз. Началась кровавая война... (все молчали. Среди веток навеса маленькие трясогузки, у которых недавно появились птенцы, были встревожены еще больше, чем люди и, порхая вверх и вниз, сжимая в клювах кузнечиков, боялись приземлиться), враги бросают с самолетов бомбы на мирные города и села, гибнут дети, старики, женщины. Немецко-фашистские оккупанты нарушили границы Советского Союза, направляются в глубь страны. Главарь германских фашистов Гитлер, убийца и разбойник, не насытившийся кровью палач, бесстыдно хвастал на

весь мир, что за полмесяца сможет завоевать советскую страну. Если это произойдет, оккупанты возьмут и Туву. Над нашими головами нависла угроза рабства, прольется кровь наших детей...

Наступила тяжелая тишина, словно на кладбище.

— Отечество в опасности, товарищи...

Шивит-Доржу всегда был красноречивым человеком, умеющим выступить перед народом. Его голос становился все тверже и увереннее:

— Товарищи, наша главная цель сегодня — защитить СССР, как свою жизнь. Это наш священный долг. Что мы должны делать? Араты Тувы должны растить больше скота, увеличивать поголовье, сеять больше хлеба. Каждый ягненок или козленок, каждый колосок пшеницы должен стать пулей для врага. С этого дня, с этого часа надо начать работу по сбору помощи для героической Красной Армии.

Смерть фашистским захватчикам! Да здравствует героическая Красная Армия! Да здравствует горячее сердце, любимый вождь трудового арата товарищ Тока! Пусть живет в веках дело великого отца угнетенных народов мира товарища Сталина!

Раньше такие призывы вызывали бурные аплодисменты и одобрительные возгласы. Теперь все стояли в растерянности, не зная, как высказать свое одобрение: хлопать, кричать? Беда пришла.

Паузой воспользовался председатель сумона Хойтпак-оол:

— Товарищи, посоветовавшись в правлении, мы вносим предложение сейчас же создать комиссию по сбору подарков для героической Красной Армии от сумона Ийи-Тал.

Не было ни возражений, ни споров, предложение приняли единогласно без голосования. Председателем комиссии по сбору подарков избрали заместителя председателя Ийи-Тальского сумона Ховалыга Тас-оола. Члены комиссии: Кыргыз Кенден, Монгуш Шаннаа, Монгуш Кызылбай.

На этом собрание завершилось.

Если на собрание араты собирались с шумом, то после него разъезжались тихо, словно забыв все слова. Будто рядом заложена бомба, которая может в любой момент взорваться. Не слышно голосов пеших и конных, опущены головы. Большое горе пришло.

Оставшиеся возле навеса араты обступили людей в военной форме, вопросы сыпались, как капельки тонкого родникового ручейка Чээнека.

Летом командиры народной революционной армии Тувы уходили в отпуск, приезжали в аалы и на чайлаги к родственникам, вроде бы как на курорт и помочь заодно. В то лето традиция была нарушена.

Сразу же после собрания, заведя мотор укрытой было на все лето легковой машины, захватив по пути своего ординарца-ханахода (коновода) Ламу сына Шомбула, первым прибыл в Кызыл майор Кидиспей, первый летчик Тувы, зять старухи Тас. Впоследствии сержант Лама бился в рядах тувинских добровольцев, активно участвовал в уничтожении немецко-фашистских оккупантов и героем вернулся домой.

После Чооду Кидиспея без какого-либо приказа в тот же вечер из Чээнека отправились, закинув за плечи винтовки с желтыми прикладами, перепоясавшись саблями, оседлав коней, зять члена Малого хурала ТНР Иргека майор Тактан (муж Хууракпан, окончившей медицинский техникум вместе с Анной Суузунмей, Серенмой, Дагы-Сурун и Сарыг-Тараа), а также его сын, командир артиллерийской части революционной армии старший лейтенант Кустугур, зять старухи Момбужай старший лейтенант Монгуш Сат (впоследствии командир взвода Тувинского добровольческого эскадрона, героически погибший во время боя под Ровно), зять кайгала Когела лейтенант Кан-оол и лейтенант Чодак-оол. В этот же день выехали в Кызыл гостившие на чайлагах в устье Барыка и Сенека капитан Кечил-оол (впоследствии — командир тувинского добровольческого эскадрона, Герой Советского Союза) и лейтенант Ангакпан.

Соскар молча вошел в юрту своих старых родителей и тихо сказал, даже не присев:

— Пришел мой черед, отец.

ПРОВОДЫ

Соскар не раздумывал и не сомневался, вступая в ряды Тувинской народной революционной армии. Да, он старше остальных, но раз состояние здоровья позволяет, то кто будет препятствовать законному желанию добровольно проходить воинскую службу? К тому же время военное. Соскар привел с собой собственного коня — его, конечно, сначала нужно выгучить.

В одно время с добровольцем Соскаром ряды армии пополнил новый призыв. Учеба проводилась по сокращенной программе: тактика, стратегия, строевые. Наряды, уход за лошадьми. Дела навалились тяжелой лавиной. Ленин учил, что война есть испытание всех экономических и организационных сил нации. Ни шагу назад! — сказал Сталин. Нет плохо оружия. Есть плохие стрелки», — утверждал Ворошилов.

Соскар был полностью со всем вышесказанным согласен и старался как мог. Он никогда не затруднялся в стрельбах и верховой езде. Это знакомо каждому тувинцу с младенческих лет. Строевые занятия тоже было посильными: знай шагай, топай. Соскар затруднялся на теоретических занятиях. Что с него возьмешь, у бедолаги ни одного класса образования, грамоте и той сам выучился. Ничего не получается. Соскару изредка кажется, что он балансирует на одной единственной кочке среди болота. Чуть в сторону, и не то, что до пояса — до ушей можно окунуться в грязь.

Таких, как Соскар, было много. Что говорить, таков был общий уровень развития. Где-то около года Соскар вместе с другими детьми степей и гор плыл по течению, блуждал в трех соснах, выживал как мог, но постепенно все же стал грамотным революционным солдатом. В начале 1943 года были ликвидированы воинские части в хошунах. Их присоединили к конному полку НРА.

Прибыв в Кызыл, ревармеец Соскар сразу же написал в ЦК ТНРП:

«Генеральному секретарю комитета Центрального Комитета ТНРП гвардии генерал-лейтенанту товарищу Тока.

Я, Кыргыз Соскар, родился в 1905 году в сумоне Ийи-Тал Улуг-Хемского хошуна. В роду не было лам, шаманов, чиновников и осужденных. Мой отец Сульдем участвовал в Кобдинской войне, мои братья участвовали также в национально-освободительной революции Тувы.

Я ревсолдат, прошел полный курс тактической и практической учебы в НРА. Прошу разрешить отправиться на фронт Великой Отечественной войны. Вступив в ряды героической Красной Армии великого СССР, отдам жизнь для полного уничтожения немецко-фашистских оккупантов.

13 марта 1943 года».

Соскар долго думал, прежде чем написать это заявление. Тому есть причина: есть в его биографии места, на которых пони-

мающий человек может споткнуться. Несколько раз обдумывал формулировки, писал, несколько раз рвал. Во-первых, ему пришлось сократить свой возраст, к его счастью, в то время в Туве не было строгой паспортизации. Во-вторых, он не стал подробно писать о своем происхождении: если будет хоть намек на то, что отец Сульдем имеет чиновничий чинзе, а брат Буян сидит в тюрьме по обвинению в контрреволюционной деятельности, его и близко не подпустят к фронту. По этим причинам Соскар с изрядным опозданием отправил свое заявление, его опередили сотни добровольцев.

Теперь Соскар день и ночь ждал ответа. Во время войны заминок быть не должно. В Туву из СССР, прямо с фронта прибыл командир старший лейтенант И.Т. Кузнецов. С его приездом в мае в НРА стали формировать спецэскадрон.

20 мая 1943 года на фронт проводили тувинских танкистов под командованием лейтенанта Тулуша Нурсата. Теперь была очередь тувинских добровольцев-кавалеристов. Время шло, и лишь один вопрос мучил каждого: когда?

Вопрос об отправке тувинских добровольцев на фронт был оговорен и решен еще раньше, на заседании секретариата ЦК ТНРП 26 декабря 1942 года. В присутствии Базыр-Сата, Анчимы, Сергека, Товарищтая, Намчака, Далганчыка Салчак Тока внес предложение об отправке в СССР революционной армии. Там же решили направить ходатайство об отправке в действующие части Красной Армии не менее 500 человек. Полковнику Суваку было поручено подготовить добровольцев, их лошадей, продукты, обмундирование, снаряжение. Читатель уже знает, что ходатайство Тока озвучил наркому иностранных дел СССР в Москве в марте 1943 года.

Шли месяцы, уже август. Добровольцы, подавшие заявления об отправке на фронт, были как на иголках: когда? Даже терпеливого Соскара можно было сравнить с натянутой тетивой лука.

25 августа 1943 года на очередном совещании секретариата ЦК ТНРП был утвержден политсостав тувинского добровольческого эскадрона:

командир первого взвода старший лейтенант Оюн Оолак;
командир второго взвода старший лейтенант Куулар Дончут;
командир третьего взвода старший лейтенант Монгуш Сат;
командир четвертого взвода лейтенант Монгуш Доржу;
командир пулеметного взвода старший лейтенант Сат Бурзекей;

командир отделения санинструкторов лейтенант Тулуш Хургулек;

комиссар эскадрона старший лейтенант Монгуш Байысклан.

Утвердили и программу проводов, определив местом проведения Зеленый театр Кызыла. 31 августа 1943 года в 18.00. Собрание откроет политрук Х. Базыр-Сат, предоставив слово генеральному секретарю ЦК ТНРП гвардии генерал-лейтенанту товарищу С. Тока. Потом выступят представители общественности и родители. Потом всех пригласят на чаепитие в зеленый ресторан там же, в парке. 1 сентября 1943 года состоится митинг, посвященный проводам.

Лишь теперь стал известен список всех тувинских добровольцев. До отъезда осталось всего лишь пять дней, пять дней! Разнеслась весть, и словно вышедшая из берегов река, потоком устремились люди из всех уголков Тувы в Кызыл, кто верхом, кто пешком, чтобы проводить сыновей на фронт.

Соскар понял, что за пять дней письмо не дойдет до его аала. Отпросившись в части, он приехал к родственнику Ширин-оолу, работавшему заместителем председателя Тувинценоккооп с просьбой о лошади. В ведении конторы была конюшня. Выслушав просьбу, Ширин-оол почесал бритую щеку, и сказал:

— Бери какую хочешь. Мне ехать некогда, давай сам, или сходи в пожарную часть к Ном-Хуураку, пусть едет. Не ты один из Улуг-Хема уходишь. Из Ийи-Тала и Хайыракан идут несколько. Надо и их родственникам сообщить.

Сержант Ном-Хуурак в тот же вечер спешно выехал в сторону Ийи-Тала.

Среди добровольцев много было знакомых Соскара: Тулуш Хургулек, Донгак Бегзи-Хуурак, Кыргыз Быштак-оол, Донгак Доржукай, Кыргыз Норбу-оол (его отец вместе со стариком Сульдемом участвовал в Кобдинских сражениях), Монгуш Кечил-оол (сын знаменитого чабана Кыдат-оола, перекочевавшего из Шекпээра Барун-Хемчика, чтоб его скот пасся на хороших пастбищах), сам командир добровольческого эскадрона Тулуш Кечил-оол, Ховалыг Балчий-оол, Кыргыз Норжун, Ховалыг Бичен, Ховалыг Донгур-Кызыл, Адыг-Тулуш Биче-Пыс, Тулуш Базыр, Кыргыз Сенчен-оол, братья Оюн Седен-оол, Оюн Санчат-оол, Оюн Сараат-оол, Оюн Донгулак, Оюн Ойдупаа, Оюн Билчир-оол, ординарец летчика Кидиспая Тулуш Лама. Из всех сумонов уходили добровольцы...

— Соскар идет на фронт!

Аал вел себя подобно взбесившемуся верблюду. Закололи барана, гнали арагу, все, кто мог ездить на лошади, были в седле. Ончатпаа запрягла своего гнедого, надела шелковый халат. Не только тревожный и печальный — исторический момент был, надо достойно, с хорошим настроением проводить человека на войну. «Мы смертны, доблесть бессмертна», — так говорят тувинцы. И у русских так: бой отвагу любит.

Не только аал Соскара встревожился в устье Барыка. Сестра уходящего Норбу-оола, Дарыймаа, важно восседала на кауром иноходце. Старик Кыдат-оол собирался, поглаживал свою похожую на яйцо лысую голову, поправлял длинную, как у дрофы, бороду.

Набрав продуктов, через три дня из Ийи-Тала, обгоняя друг друга, выехали десятки всадников.

— Я и богат, и себе не рад, какой же я без лошади нищий-то, — приговаривал Саванды, вытирая рукавом горячие слезы. Несчастный надел свою старую буденновку, рваную шинель, повесил на пояс пустые сабельные ножны. — Нет больше Мухортого, и я немощен. Патрон-сатрон нет, партизана Саванды нет.

Старик Сульдем тихо сказал усевшейся в седло Ончатпе:

— Передай Соскару: отец постарел, уже не может сесть на коня, дочка. Нет у меня наказов сыну, скажи — буду ждать его.

Опять Кежикмаа вышла из юрты, держа в руках ведро с белым молоком и ложку-девятиглазку.

В те дни тихий Кызыл напоминал муравейник: во дворах люди, на дорогах люди. На окраине города, на берегу Улуг-Хема, на лугу — и днем дымят костры, и ночью колышется пламя. Везде суета, разговоры. Сильный человек смеется, слабый человек плачет.

Гонцы Ийи-Тала прибыли в Кызыл на рассвете 30 августа и остановились, как разрешили родственникам добровольцев, в военном городке на пригорке в степи.

Ончатпаа пригляделась к мужу и заметила, что выражение его лица стало строже, изменилась и фигура — исчез выдающийся в лучшие времена живот. Соскар стал стройным, словно конь перед скачками. Соскар тоже будто в первый раз посмотрел на жену: она все еще цвела красотой, но прежняя озорная улыбка словно застыла на ее лице. Может, в тот день, когда Соскар ушел в армию, или когда Ончатпаа услышала, что он уходит на фронт.

— Кто приехал? — сразу же спросил Соскар.

— Я одна из аала. Из хошуна нас вообще-то много.

— Как старики?

— Ничего. Бедный «Мухортый» без лошади остался в аале. Да и будь лошадь, не смог бы приехать, болен. Хойлаар-оолу и остальным некогда, косят. Начальство грозитя тюрьмой, если не выполнят план сдачи хлеба.

— Война есть война, конечно... Но слишком уж жестоко с народом...

— Трудные времена настали. Да еще единоличников прижимают. Как ты уехал, все хуже и хуже. За людей не считают, — в когда-то красивых черных глазах Ончатпы сверкнули слезы. Соскар почему-то ждал, что жена, приехав, начнет плакать или говорить, чтобы он как следует бил фашистов. Открытые правдивые слова, вместо сладких неискренних, будто растопили холод, поселившийся в нем. Соскар старался успокоить жену:

— Ничего, Ончат. После победы жизнь пойдет совсем другая.

31 августа, накануне дня отправки добровольцев, секретариат ЦК ТНРП принял последнее решение: назначить командиром капитана Тулуша Кечил-оола. Вечером в Зеленом театре прошло большое собрание, посвященное проводам тувинских добровольцев на фронт.

1 сентября 1943 года.

Осень в Туве всегда прекрасна: тепло, солнце. Синее небо каждый день ясно. Вода рек и ручьев прозрачна, светлые волны перекатываются над разноцветной галькой. Улуг-Хем тих и несет душевное умиротворение всем выросшим на его берегах.

1 сентября 1943 года. Этот день станет историческим для Тувы.

Видимо-невидимо народа на центральной площади Кызыла. Осень в Туве всегда наполнена цветами, но сегодня они в руках каждого. Играет духовой оркестр. На трибуну Дома Правительства поднимаются партийные руководители. Речь произносит генеральный секретарь ЦК ТНРП гвардии генерал-лейтенант Салчак Тока. Именно в тот день народ впервые увидел его в генеральской форме с золотыми погонами. От имени тувинских добровольцев выступили комиссар Байысклан, рядовой Ойдупаа, санинструктор Севил. От родителей — Манчан-оол, Баазан, от школьников — Тома Булатова.

Грянула музыка. Смешались уходящие и остающиеся. Последние наставления, объятия, слезы. Каждый знает: война есть война. Кто-то вернется домой, кто-то останется там навсегда. Кому-то победа,

а кому-то — смерть. Надо как следует попрощаться, насмотреться на любимых. Кто знает...

Опять грянула музыка. Добровольцы строем пошли вниз по улице, каблуки сапог отбрасывают мелкие камешки на пыльной дороге. Народ хлынул за строем.

На берегу Улуг-Хема добровольцы и провожающие вновь смешались. Паром группами переправлял добровольцев на правый берег. Соскар был в третьем взводе под командованием старшего лейтенанта Монгуша Сата.

Тувинцы по традиции на людях не обнимались и не целовались, даже на свадьбе не показывали своих чувств. Дети брали пример с взрослых. В другое время и Ончатпаа с Соскаром постеснялись бы, к тому же возраст солидный — как-никак они уже бабушка и дедушка. Но сейчас они стояли, крепко обнявшись на глазах тысяч у людей, и Ончатпаа положила свою голову на широкую грудь Соскара: может быть, они видятся в последний раз.

Паром вернулся в очередной раз, добровольцев стали торопить. Ончатпаа наклонилась к земле, подняла два белых камешка величиной с ноготь большого пальца и протянула их Соскару:

— Возьми их, дорогой. Береги, не потеряй — так наказал отец. Вернешься домой, переправившись этим же паромом, и возвратишь их родному Улуг-Хему, как когда-то отец и Аайна.

— Что еще отец сказал?

— Что будет ждать.

Добровольцы стали подниматься на паром, и лишь теперь Ончатпаа заплакала:

— Пожалуйста, прошу: возвращайся домой, дорогой.

Соскар, в последний раз обняв крепко и поцеловав жену, взошел на паром.

Натянулся металлический трос, и паром заскрипел дном на мелких камешках, затрещал бревнами, тихо тронувшись с места. От этого звука все оборвалось в груди Ончатпы.

Соскар последний раз крикнул с парома:

— Я вернусь!

Перевод Игоря Принцева

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Эдуард МИЖИТ *Сихотворения в прозе*

Простые игры

Мальки	3
Всадник	4
Игра в прятки	6
Качели	7
Зов	9
Бусинка	10
Хрупкие берега	13
Огненное стекло	18
Лодочки-кораблики	21
Калейдоскоп	27

ПРОЗА

Октябрь ТУН - ООЛ

Аленка	32
------------------	----

ГОСТЬ «УЛУГ - ХЕМА»

Наталья АХПАШЕВА

«Здесь звезды ярче, а судьба ясней...»	40
«По дороге кружной...»	40
Читая Сунь-Цзы	41
Последний поход Чингисхана	41
«Ты покинул мои времена...»	42
Внутренним зрением	43
«Табуны мои степные — вороные и гнедые...»	44

П О Э З И Я

Роман Л У Д У П

Два письма	45
«Солнце, словно стеснительной девушки щеки...»	47
Взгляд	48
«Я помню тот последний вечер...»	48
Игра страстей	49

П Р О З А

Шангыр-оол С У В А Н

Козел есть козел. <i>Рассказ.</i>	51
Первая охота. <i>Рассказ.</i>	54

Г О С Т Ь «У Л У Г - Х Е М А»

Татьяна К О Л А Ч

«Нас несет по холодному кругу...»	59
«Ненастье в душе и в природе...»	59
«В порыве ярости искомканы слова...»	60
«Затяжные в ненастье дожди...»	60
«Вновь бегу от себя, сумасшедшая...»	60
«Когда смута дневная изводит...»	61
«Всего-то — миг на перепутье...»	61
«Синь какая! И пьянит озон...»	62
«От разлуки до разлуки...»	62
Расставание.	63
«А небо, как родник...»	63
Своя дорога	64
Вечер	64
«Вновь дожди, и не спится ночами...»	64

«В тумане светит мне окно...»	65
Песочное время	65
«Коль все не так устроено во мне...»	66
«После ночи свет забрезжит...»	67
«И в шумном дне, и в суете...»	67
Вечерняя зарисовка	68
«В разгаре лето... в разнотравье луга...»	68
«А новый день как новая страница...»	69
Поэту	69

П О Э З И Я

Лидия О О Р Ж А К

Юность	70
Хоть я и знаю	71
Одиночество — верный мой друг	71
Колыбельная мамы со звезд	72
Печаль мелодии «Узун-хоюг»	72
Лужок моей памяти	73

П Р О З А

Мария К У Ж У Г Е Т

Надежда	74
-------------------	----

П Р О З А

Март-оол Х О В А Л Ы Г

Добро	80
Жестокость	85
Просто Надя	86
Страх	89

П Р О З А

КЫЗЫЛ-ЭНИК К У Д А Ж Ы

Улуг-Хем Неугомонный. *Главы из книги.* 91

Литературно-художественное издание
«УЛУГ-ХЕМ»

Редактор выпуска: Э.Б. Мижит
Верстка: А.Э. Мижит
Корректор: А.А. Кужугет

Журнал отпечатан в типографии ООО «Кооператив «Журналист»,
Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Советская, 71.
Сдано в набор 05.07.2016 г. Подписано в печать 02.08.2016 г.
Свободная цена.

ГАУ «Редакция журнала «Улуг-Хем»,
667000, г. Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 57
Формат 70/100^{1/16} Физ. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз.

